

КОНЦЕРТ ПАТРИЦИИ КААС

7. НЕУЖЕЛИ ЭТО ВОЗМОЖНО

Недалеко от Москвы, продолжение

Марк Вевиоровский

Марк Вевиоровский

**Концерт Патриции Каас. 7.
Неужели это возможно. Недалеко
от Москвы, продолжение**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Вевиоровский М. М.

Концерт Патриции Каас. 7. Неужели это возможно. Недалеко от Москвы, продолжение / М. М. Вевиоровский — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В книге вы встретитесь с обыкновенными и неординарными людьми, которые мало отличаются от нас с вами, но живут удивительной жизнью. Действие происходит в узнаваемых обстоятельствах и даже с участием реальных лиц. Паранормальные способности некоторых героев позволяют причислить книгу к произведениям фантастическим, но уж если это научная фантастика, то фантастика социальная, затрагивающая некоторые основы нашей реальной действительности с необычной стороны, но неизменно с любовью к человеку.

© Вевиоровский М. М., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Разнообразная тематика НИПЦ ГАМ в полной мере была известна ограниченному кругу лиц, и в основном это были коллеги Свиридова, обладающие экстрасенсорными – точнее паранормальными – способностями.

И еще особенные мальчики, о глубине информированности которых не знал никто.

Единственная родственная пара мать и сын Ерлыкины были вне конкуренции, и это было известно не только экстрасенсам, но в возможностях Полины и Олега не пытался разбираться даже Свиридов.

Правда, члены Ученого совета знали, что Мальчик, как по привычке еще называли Олега Ерлыкина, мог одним-двумя словами разрешить неразрешимые проблемы – как научные, так и нравственно-этические, а нередко понимал выкристаллизовывающуюся идею раньше авторов.

Да, это было невероятно, да, это было необъяснимо, но к этому просто привыкли.

Да, Свиридов кроме всего прочего обладал возможностью мысленно связываться с каким-то информационным полем или с чем-то еще, и об этом более или менее знали все экстрасенсы.

Да, мальчики обладали неизвестными никому знаниями о своих мамах, и удивительным образом этими знаниями не пользовались.

Да, все уже привыкли, что на заседании Ученого совета Виктор Скворцов мог высказать абсолютно бредовую идею, которая через пару минут становилась столь же абсолютной догмой, и что с подобной идеей могла выступить на совете и Виолетта Ерцкая.

Только Виктор высказывал свои идеи эмоционально, но совершенно без стеснения, а Виолетта ужасно стеснялась, хотя все уже привыкли к ее неординарному мышлению и безусловной талантливости.

Да, толстая амбарная книга протоколов заседаний Ученого совета была ценнее любого выпуска Трудов Академии Наук, а чистые страницы, которые Полина оставляла после каждого заседания, и где появлялись рукописные заметки ведущих специалистов, служили таким важным источником дальнейших открытий ...

Да мало ли что еще в деятельности НИПЦ ГАМ нормальный человек считал бы невероятным и абсолютно невозможным ...

НЕУЖЕЛИ ЭТО ВОЗМОЖНО

Недалеко от Москвы, продолжение

Не страшно потерять умение удивлять,

Страшнее потерять умение удивляться.

А. Городницкий

ЭТИ ЧЕРТОВЫ ТРЕКИ

У ВЛАДИКА

На лестнице Свиридов догнал Авдоконикина. Тот с большим трудом преодолевал ступеньку за ступенькой.

– Доброе утро, Елизар Болеславович! Почему лифтом не воспользовались? Владик и то пользуется.

– Здравствуй, Анатолий Иванович. Вот ему-то как раз и не мешало бы пользоваться лестницей. А я для тренировки ...

Как всегда дверь в квартиру Ники и Владика была нараспашку.

– Здравствуй, драгоценная Вероника Константиновна! – и Авдоконихин поцеловал Нике руку.

– Здравствуйте, не менее драгоценный Елизар Болеславович! – не преминула съехидничать Ника. – Проходите, пожалуйста.

– Привет, Никанор! Как поживаете?

– Привет, Толя! Мы поживаем хорошо. Можешь нас погладить.

И Ника подставила Свиридову свой круглый живот, и Свиридов осторожно его погладил.

Нику сразу выгнали гулять на балкон и она устроилась в удобном шезлонге под разноцветным балдахином.

– Владислав Юрьевич обещал сегодня показать демонстрационную модель лазера для проведения тех экспериментов, о которых мы с вами говорили ...

Для Авдоконикина здесь, в просторной лаборатории Владика, было установлено персональное кресло, которое он и занял.

– Для начала я бы попросил кратенько изложить наши позиции ... Простите консерватизм старика!

– Вы напрасно называете это консерватизмом, Елизар Болеславович. Это школа – осмысливать пройденное перед тем, как начинать новое. Я прав, дядя Толя?

– Безусловно. Поэтому кратенько повторим пройденное ...

И Владик неторопливо и методично подытожил результаты уже проведенных экспериментов.

– Сегодня мы запланировали проверить возможности объекта ... ничего, дядя Толя, что я тебя так? Возможности объекта влиять на лазерный луч и, возможно, на лазерное излучение в более широком объеме.

– Давайте начнем ...

Владик включил рубиновый лазер и его луч высветил на другой стороне комнаты небольшую красную точку. Но дальше ...

Результаты нигде не фиксировались, но они вызывали у профессора Авдоконикина сильную растерянность – Владик реагировал значительно спокойнее.

Луч лазера начинал расширяться, пятно блекло и расплывалось, затем это размытое пятно начинало ползть по стене и, наконец, оно исчезало со стены и появлялось на противоположной стене, позади прибора. Свиридову удалось так же рассеять лазерный луч до полной его невидимости. Пришлось воспользоваться дымом для подсвечивания траектории луча, и стало видно, как луч размывается на небольшом расстоянии от источника.

Потом Авдоконихину стало еще страшнее – подобные «фокусы» Свиридов проделывал с когерентными пучками других частот видимого спектра.

– Не пора ли нам сделать перерыв? Я здорово устал ...

И тут в комнате как по вызову появилась Ника.

– Я не знаю как вы, а мы хотим покушать. Пора обедать, дорогие гости!

Ника и Елизар Болеславович уселись за стол в кухне, а Владик и Свиридов сервировали стол и разносили еду. И все это было привычно и нормально.

После десерта Владик и Свиридов проводили Нику на балкон, устроили в шезлонге, поправили балдахин. Владик устроился рядом на своем привычном месте, а Свиридов с Авдоконикиным отошли к перилам.

– Ну, что скажете Елизар Болеславович?

– Для начала я потрясен ... Точнее сказать, что потрясены мои фундаментальные знания по физике, в частности те, что относятся к законам распространения когерентных потоков частиц различных частотных диапазонов ...

Авдоконикин долго высказывался насчет только что виденного и фундаментальных законов физики, способностей Свиридова и прочих высоконучных материях.

Его длительный монолог был прерван криком – из двери на балкон вылетел Скворцов.

И не просто вылетел, а вылетел с криком:

– Это все вы, мозголомы и антиматериалисты! Это все вы ... Простите, Елизар Болеславович, к вам это не относится! Это все ...

– А ко мне? – подал голос Владик.

– И к тебе тоже не относится, ты человек сугубо физический и основательный ...

– А я? – это подала голос Ника, разбуженная громким голосом Виктора.

– Никуля! Я тебя не замети, прости, пожалуйста! Это все они ...

– И кто здесь «они»? И не кричи так.

– Они здесь – это ты, гад начальник и главный мозголом! И вообще, ребята, я нашел память излучения ...

У ПОТАПОВИЧА

Следующие эксперименты с «объектом» продолжили у Потаповича, да еще в специально оборудованном помещении.

Мало того, что Свиридову для переключения каналов телевизора не понадобилось даже щелкать пальцами – он переключал каналы телевизора, менял программу видеоманитфона и стирал запись на магнитной ленте сидя в кресле, откинувшись на спинку и положив руки на колени.

Продолжение опытов с лазером закончилось взрывом кристалла – хорошо, что Свиридов предупредил всех об этом заранее.

Потом начались настоящие чудеса – Свиридов вмешивался в работу ЭВМ и менял результаты работы программ. Для этого ему даже не понадобилось предварительно ознакомиться с программой – он вмешивался в неизвестную ему программу и получал в результате то, что считал нужным.

Следующие эксперименты были засекречены с особой тщательностью – Свиридов вмешивался в действие стандартных системных программ типа Exel, Word и Windows, уничтожал вирусы в памяти машины, а также внедрял вирусы, не прикасаясь к компьютеру.

Некоторые из этих вирусов были неизвестны программистам и винчестер экспериментального компьютера пришлось чистить полностью.

Этого – внедрение мысленно неизвестного никому вируса в стоящий на расстоянии нескольких метров компьютер – присутствующий понять не могли, это было выше их понятия даже о почти неограниченных способностях Свиридова ...

Шоковое состояние Авдокониных и Потапович снимали марочным коньяком и Свиридов с удовольствием присоединился к ним ...

УЧЕНЫЙ СОВЕТ

Ученый Совет собрался с повесткой дня «Сообщение В. А. Скворцова о новых аспектах излучения».

И повестка дня, и срочность созыва Совета вызывали интерес членов Совета, а сообщение Скворцова вызвало шок у многих.

Но не у всех.

Если изложить все происшедшее кратко, то получится вот что.

Еще очень давно, в самом начале работ с излучателями, было обнаружено интересное и непонятное явление. Предмет, подвергнутый действию излучателя, становился как бы меченым, и его можно было обнаружить специальным детектором.

Никакие свойства предмета вроде бы не менялись, но обнаруженный эффект проявлялся четко и весьма длительное время.

Так можно было пометить любые доступные для экспериментов предметы, а расстояние, на котором четко срабатывал детектор, зависело от длительности облучения. Максимальное расстояние, которое удалось воспроизвести, составляло около десяти метров.

Причину появления метки и ее сущность пытались определить, но то ли из-за нехватки времени, то ли из-за недостатка идей эту затею забросили. И теперь «всеобщий возмутитель спокойствия» – а это прозвище уже прочно прилепилось к Сковрцову – выдал идею.

И не только идею – он уже даже провел серию экспериментов для ее подтверждения.

Но самое главное – Сковрцов обосновывал свою идею настолько не физическими понятиями, что и вызвало шок у некоторых членов Совета. Но Баранов, Потапович и Лопаткин сразу ухватились за идею Виктора и Ученый совет превратился в групповое творчество, то есть настоящий бедлам.

В конце концов, когда все уже устали и были готовы доказывать свою правоту кулаками, раздался разбойничий посвист и все присмирели.

Из-под стола вылез долговязый подросток, не изменивший привычке размещаться в укромных местах, взял мел, стер пару строк с доски и написал коротенькую формулу.

Это был Мальчик.

Немая сцена почти по Гоголю сменилась довольными возгласами, а Полина обняла сына.

– Чудо ты мое несравненное!

– Молодец, Олег! Ты опять прав. Есть эффект Сковрцова-Ерлыкина. Кто согласен? Все за?

– Толенька, побойся бога! Что же теперь Сашеньке читать студентам? Был эффект Лопаткина, а теперь он стал эффектом Лопаткина – Сковрцова – Ерлыкина?

– Ты знаешь, милая моя Леночка ... Наука идет вперед, и кто знает ... Может быть с учетом того, что произошло сегодня Анатолий Свиридов в скором времени попросит у руководства установку для новых экспериментов для подтверждения его новой теории ...

Стало очень тихо.

– Ты их не пугай, дядя Толя. А то они теперь спать не будут ...

РАЗРАБОТЧИК

– Как вы думаете, Николай Константинович, не будут они упрямиться?

– Думаю, что все пройдет нормально. Если вы их чем-нибудь не напугаете. Я созванивался с их генеральным, добро на встречу получено на высшем уровне.

Генерал-майор Ефремов, куратор фирмы Свиридова, и генерал-майор Свиридов ехали к разработчикам новейшей военной техники.

Кроме водителя в машине находился капитан Разумеев с небольшим черным дипломатом.

Знакомство началось с недовольства хозяина кабинета:

– Меня предупредили о вашем визите, – после представления друг другу заявил высокий худощавый мужчина, больше похожий на таежного охотника, чем на ученого, профессора, академика, лауреата и проч., и проч., и проч.

– Мне сейчас нужно начинать лекцию моим ученикам, а вы отрываете меня из-за какой-то там ерунды ... – ворчал он.

– Я вас оставляю? – и генерал Ефремов удалился, оставив ученого наедине со Свиридовым.

– Можно поинтересоваться о теме вашей лекции, Игорь Степанович?

– Проблемы иерархии электронных систем управления на поле боя, – буркнул ученый.

– На эту тему мы поговорим чуть позже. Вас предупредили о чрезвычайной секретности и конфиденциальности нашей беседы?

– Помилуйте, в этом кабинете все чрезвычайно секретно ...

– Капитан. – негромко позвал Свиридов.

Тотчас в дверь вошел капитан Разумеев.

– Дипломат. Свободны. – и Разумеев, передав дипломат Свиридову, вышел.

– Видимо, основные секреты находятся в вашем сейфе, – проговорил Свиридов, открывая дипломат и доставая оттуда два листа белой писчей бумаги, заполненные формулами, схемами и пометками.

– Взгляните! – и Свиридов протянул листки ученому.

Тот взял листки и остолбенел. И долго не мог выговорить ни слова.

– Но откуда у вас ... это?!

– Это к вопросу о секретности. Не волнуйтесь, это единственная копия того, что вы написали вчера вечером. И этой копии уже нет, – Свиридов поднес к листам огонек зажигалки.

– Но как это могло попасть к вам?! – не мог успокоиться ученый.

– Не берите в голову, – Свиридов сделал все возможное, чтобы мысленно успокоить хозяина кабинета. – Давайте будем считать это контрольной проверкой вашего сейфа. Как видите, он требует усовершенствования.

Сейф и на самом деле выглядел неким анахронизмом в современном кабинете – ему было по крайней мере лет сто. Но зато он был красив.

– А теперь я попрошу вас рассказать мне о современной боевой машине, напичканной электроникой. Начиная от научного замысла и кончая топологией печатного монтажа. А за основу можно принять образец типа американской платформой «Страйкер» с ее начинкой.

– Так вы же ничего не поймете!

– О непонятных мне подробностях я буду вас спрашивать отдельно ...

– Ну, хорошо. – ученый глубоко вздохнул и решил проучить наглого посетителя.

Но очень скоро по репликам гостя он почувствовал, что его не только понимают – ему оппонируют, и при этом со знанием дела. А когда стали всплывать имена американских корифеев в этой области, то у хозяина кабинета возникло ощущение, что его гость лично знаком с этими учеными из Массачусетского университета.

– Ну, а общие схемы у нас в лаборатории. Пойдемте?

– Конечно. Но вы не завершили своей мысли о несогласии с Ричардом ... Я имею в виду Мак Абрамса.

– У меня складывается впечатление, что вы лично знакомы со всеми сотрудниками кафедры военных технологий ...

– Ну, скажем не со всеми ...

В лаборатории, вход в которую тщательно охранялся, они прошли через небольшой холл, где сидел капитан Разумеев с дипломатом.

Показывая схемы, отдельные электронные блоки и карты топологии больших интегральных микросхем Игорь Степанович Шнурп, ученый и академик (и проч., и проч., и проч.) не мог отделаться от ощущения, что он беседует с весьма информированным и эрудированным коллегой.

Это ощущение возникло и у сотрудников Игоря Степановича – молодых и весьма энергичных и амбициозных ребят.

Под конец Свиридов вынул из кармана микросхему.

– Вскройте на досуге – думаю, будет интересно.

– А что это за зверь? – спросил сотрудник, взглядевшись в рукописную маркировку. Его представили Свиридову как весьма перспективного кандидата наук Бориса Сыромятникова.

– Думаю, завтра вам об этом расскажет Игорь Степанович.

Вернувшись в кабинет Шнурп усадил гостя и сел сам за свой стол.

– Вы удовлетворены, Анатолий Иванович? Я показал и рассказал вам все.

– Я думаю, на первый раз достаточно. Я вам кое-что оставляю ...

Свиридов вновь позвал капитана и предложил ученому взять из дипломата увесистый пакет.

– Пока уберите в сейф. Потом посмотрите. Это кое-какие материалы по электронике платформы «Страйкер». Меня интересуют слабые места системы и ее отдельных блоков. А захотите узнать больше – звоните ...

Руководитель фирмы подробно спрашивал Шнурпа о визитере.

– Мне показалось, что это крупный специалист в области электроники и современных вооружений. И возможно лично знаком с некоторыми разработчиками в США. Он оставил уникальный материал – практически все схемы электронных систем «Страйкера».

– Как его фамилия? Свиридов? Так это один из наших контрагентов! У него такие изделия выпускают – блеск! И работают они без капризов ...

ПАМЯТЬ РУБИНА

– Витя? Привет, Свиридов. У тебя есть установка, которую я мог бы использовать для своих целей?

– Надеюсь, цели приличные? Без криминала?

– Избыточно добродетельные! Так как?

– Тебя обычная смена устроит или тебе дать программиста?

– Обижаешь. Сам управлюсь. Но излучатель нужен мощный.

– Тогда завтра утренняя смена на установке 19бис. Начальник смены – Дмитриев Тимофей Викторович.

Утром Тимофей Викторович получил от Свиридова пропись режима для первого эксперимента.

На столе установки разместили рубин от лазера и режим пошел.

Рубины меняли через два часа, после чего Свиридов забрал образцы на анализ.

В ходе работы Свиридов сидел недалеко от блока управления и читал книгу.

Дмитриев потом посмотрел – это был бульварный роман на французском языке.

Образцы кристаллов рубина анализировали у Потаповича по тем показателям, которые указал Свиридов.

Но главный показатель оказался неожиданным – луч лазера с обработанного кристалла направляли на светозвуковой преобразователь. И четвертый кристалл выдал результат – через преобразователь вдруг раздался голос Свиридова, говорящего на французском языке.

В следующей серии экспериментов кроме Свиридова принимал участие Мальчик, и обработанный кристалл выдал музыку.

К обработке результатов экспериментов была привлечена Виолетта Ерцкая, и на следующем заседании Ученого Совета именно она докладывала о проведенных экспериментах.

Обнаруженный эффект сразу получил название «память рубина» или «эффект Свиридова».

Действие «эффекта» было проверено на дальность, на возможность использования стандартного АЦП, на возможность использования других твердотельных и жидкостных лазеров. Но у этого эффекта была одна особенность – его осуществить удавалось только Свиридову и иногда Мальчику.

Другие экстрасенсы не смогли воспроизвести эффект.

Но зато используя специальный преобразователь Свиридову удавалось передавать даже текст и рисунки на расстояние до десяти километров ...

А мелодии и целые симфонии лазер после «свидания» со Свиридовым (с помощью Мальчика) передавал на еще большее расстояние ...

ПРОШУ НА КОНТАКТ

#Прошу вас на контакт! Прошу контакт!

Свиридов представил себе свою мысль в виде луча, направленного вверх, и подождал.

#Тебя слушают. Спрашивай.

#Я хочу узнать о контролируемом ядерном взрыве.

#Ты готов к этому эксперименту?

#Готов.

#Будь готов в течение суток. Тебя сориентируют.

Свиридов вздохнул.

#Дядя Толя, привет. Олег.

#Да, мальчик, я тебя слушаю.

#Тебе могиканин не говорил, что у тебя слаба защита?

#Неужели меня можно было прослушать?

#Я слышал. Правда, только я один – я проверил.

#Значит, нужно поработать. Поможешь?

#Естественно. До связи.

А ближе к утру Свиридову дали адрес места, где планировался эксперимент по осуществлению контролируемого ядерного взрыва малой мощности.

Переместиться в указанное место не составило труда и Свиридов оказался в богато оснащенной физической лаборатории, где все разговаривали на китайском языке.

Вслушавшись Свиридов быстро вник в существо дела – в рядом расположенном бункере предполагалось взорвать специальный небольшой ядерный заряд с оригинальным запалом.

Все управление процессом было сосредоточено здесь, в этой комнате.

Свиридов быстро освоился с оборудованием для дистанционного управления.

«Ну, вывести из строя эту аппаратуру труда не составляет. Но это не управление самим взрывом. Интересно, а что там?»

В массивном бункере в полукилометре от комнаты с системой управления размещался заряд. Порция изотопа плутония помещалась внутри массивного цилиндра, к торцу которого примыкал канал запала. «Рассмотрев» внутренности запала Свиридов удивился – принцип действия этого устройства ему был совершенно непонятен.

«Ну, дела ... А нет ли у них тут описания или схемы?»

Переместившись обратно в комнату с аппаратурой Свиридов «остановил время» – чтобы разобраться в куче документации на китайском и английском языках. Наконец в сейфе ему попала красная папка с описанием и схемами узлов ядерного заряда включая запал.

Минут пять еще ему потребовалось, чтобы разобраться в схемах и понять принцип действия запала – этот запал был придуман потрясающе оригинально и не имел – по мнению Свиридова – аналогов в известных ему устройствах подобного назначения.

Положив папку в сумку, висящую на плече, он снова переместился в бункер, и мысленным приказом собрался устроить замыкание в задуманном участке микросхемы. Он мысленно уже представил себе нужный участок схемы ...

«Но тогда мне нечего будет предотвращать!»

Он осмотрелся и увидел на стеллаже у стены дубликат взрывного блока – он специально «посмотрел» внутренности и убедился в идентичности блоков. Единственным отличием блока, лежащего на стеллаже, было отсутствие приставки радиоуправления.

«Это несущественно!» – решил Свиридов и сунул блок в сумку.

Теперь оставалось ждать, и он ждал, оставаясь внутри кокона виртуальности и наблюдая за работой запального блока.

Вот электроны во входном контуре радиоприемника забегали, на микросхеме сформировался управляющий сигнал и запальное устройство выдало импульс на взрыв ...

Свиридов мысленно убрал поток нейтронов и вывел его в пространство, предотвращая спонтанное деление, и взрыва не произошло.

«И это все?!» – подумал Свиридов и переместился в помещение управления.

Там царила растерянность и суматоха – операторы снова и снова безуспешно подавали сигнал на взрыв.

Свиридов вынул из сумки две гранаты (американского производства) и выдернул кольца.

Выбрав места наибольшего поражения он бросил гранаты и подождал двойного взрыва, разметавшего людей и оборудование.

Убедившись, что никого в живых не осталось, Свиридов перенесся в свой кабинет и сбросил виртуальность.

– Мари, ко мне Потаповича, Скворцова, Баранова и Лопаткина. Срочно.

Потаповичу он передал принесенные схемы, а для остальных стал переводить с листа описание заряда.

Ученые дружно открыли рты, затем выдохнули традиционное российское трехсложное присловье не для дам, и стали записывать в своих блокнотах...

#Докладываю – эксперимент прошел успешно!

#Мы наблюдали за тобой. Ты молодец! Успеха тебе.

#А образец ядерного вещества ты взял на анализ?

Свиридову пришлось вернуться в бункер, забрать оттуда цилиндр.

Для анализа этот материал был передан в Курчатовский институт.

Полученный отчет для Свиридова неожиданностью не был, а обо всем произошедшим им был написан подробный отчет.

Коллеги удивленно покачали головами.

И в который раз ужаснулись безграничными возможностями Свиридова ...

ЗАРОДЫШИ РАСТУТ БЫСТРО

Еженедельный доклад Белосевича становился напряженным – женщины в сознание не приходили, хотя жизненные показатели были близки к норме.

А вот плоды у этих женщин развивались даже быстрее, чем положено.

Просмотр на УЗИ показывал, что у женщин должны родиться как мальчики, так и девочки, и показатели жизнедеятельности плодов сомнений не вызывали.

А у Свиридова все происходящее вызывало большое сомнение в правильности происходящего – тем более, что Тоня пока еще ничего не знала.

Иванищева настояла на более подробном анализе состояния плодов у женщин вплоть до развернутого анализа крови. И этот анализ показал то, чего первичные анализы не показывали – наличие в крови матерей сильных мутагенных ядов неизвестного происхождения.

Изучение материалов, привезенных Свиридовым с уничтоженного объекта, дало кое-какую информацию, но там, на объекте, вырабатывали целую гамму биологических ядов, и почти все они обладали сильнейшими мутагенными свойствами.

Из-за этого Умаров и Иванищева высказывали сомнение в рождении полноценных детей, и Белосевич их в этом поддерживал. Зародыши развивались и врачи предполагали преждевременные роды.

И при этом за жизнь родившихся не отвечали.

И дети рождались мертвыми, и после родов умирали женщины.

Запустить сердца матерей и детей не удалось, о чем сразу сообщили Свиридову.

#Вызываю на связь, вызываю на связь ...

#Слушаем тебя.

#Женщины и дети умерли. Вы этого не предвидели?

#Мы не имели достаточных данных о ядах, производимых в этой лаборатории.

#И что теперь?

#Попробуй провести полный химический и биохимический анализ материалов ...

Развернутый анализ ДНК показал серьезные повреждения генной структуры, что и вызвало смерть женщин и новорожденных ...

GPS

– Анатолий Иванович, телефонограмма из Зеленограда. Приглашают в удобное для вас время.

– Благодарю, Мари.

К разработчикам Свиридов пригласил с собой Скворцова и Потаповича.

На этот раз Игорь Степанович Шнурп встретил гостей доброжелательно и заинтересованно. По крайней мере никаких отговорок не было, а все проблемы обсуждались откровенно и подробно.

У сотрудников Шнурпа было множество вопросов по конструкции и электронным схемам платформы «Страйкер». И то, как на их вопросы отвечал Свиридов у всех вызывало ощущение, что он не только хорошо знает «Страйкер», но и непосредственно принимал участие в разработке конструкции и схем этого объекта.

Но зато сам Свиридов задавал много вопросов по работе системы GPS и использовании этой системы в военных целях. И вопросы Свиридова были детализированы до такой степени, что иногда ставили разработчиков в тупик. Оказалось, что многие подробности по использованию этой системы были недостаточно хорошо известны разработчикам аналогичных отечественных систем.

– Зачем ты взял меня с собой? – спросил Скворцов, когда они ехали обратно.

– Я знаю, что ты не силен в электронике и в стратегиях информационных игр, но быть в курсе некоторых современных разработок тебе полезно.

– Ты бы хоть предупредил меня, о чем пойдет речь. А то я долго представлял из себя полного идиота, пока не сориентировался. – задумчиво сказал Потапович.

– Но зато потом ты запросто вгонял этих мальчишек в ступор!

– А откуда у них схемы блоков американских систем? Ведь это подлинные схемы.

– Они тебе нужны?

– Нет, просто любопытно. Я бы с большим удовольствием полюбовался схемами использования системы GPS и связи ее с боевыми машинами. Почему-то мне кажется, что тебя эти схемы тоже интересуют, а в особенности слабые места этих схем и возможность их вывода из строя ...

СТРАЙКЕР

В следующий приезд к разработчикам Свиридов попросил детально разобрать все электронные схемы платформы «Страйкера» и постараться найти в них слабые места.

Разбор схем блоков занял почти целый день, но зато уезжая из Зеленограда Свиридов достаточно четко представлял себе всю электронную начинку американского изделия и кое-что из системы космической связи и наведения изделия с командного пункта.

Прощаясь, Шнурп сказал Свиридову, что по их сведениям предстоит скорое испытание изделия на полигоне в условиях, приближенных к боевым.

– Что же, это будет интересно! Если там будет производиться видеосъемка, то я вам обещаю этот материал!

И примерно через месяц знакомый уже Шнурпу капитан привез от Свиридова пакет, в котором находились два видеодиска. Это был материал об испытании «Страйкера» на полигоне.

Шнурп собрал свою группу для просмотра.

Видеооператор для начала подробно снял представительную группу военных и штатских, собравшихся для наблюдения за испытаниями. На полигоне кроме стационарных целей было еще несколько танков с дистанционным управлением – на расходы не скупились.

Предполагались и воздушные цели.

В кабину «Страйкера» забрался бравый сержант и машина ушла на полигон.

Дальнейшее наблюдение собравшиеся вели по телеэкранам.

«Страйкер» выкатил на полигон и с хода стал уничтожать огневые точки условного противника, причем многие цели находились за пределами прямой видимости и оператор пользовался наведением со спутника. Огневые точки не оставались инертными и тоже открыли огонь, но «Страйкер» ловко уходил из-под обстрела, сбивал направленные на него ракеты и ставил активные помехи системам наведения противника.

Довольно быстро «Страйкер» разделался с танками – он засекал их либо по радару, либо по выстрелу с закрытой позиции, и посылал туда ракету. На четыре танка он израсходовал шесть ракет. После этого – или, точнее, одновременно с этим – он расправился с воздушными целями – с самолетами и запущенными с них ракетами.

А затем «Страйкер» повернул назад и на большой скорости направился к наблюдавшим за его действиями военных. Вот уже машина появилась в поле визуального контакта.

Сидящий сзади группы наблюдателей у рации военный безуспешно пытался связаться с сержантом, управляющим машиной, но «Страйкер» на полной скорости неся вперед.

Через командный пункт с водителем тоже связаться не удавалось.

Руководитель испытаний пытался успокоить собравшихся, но тут началась паника – машина была уже в нескольких сотнях метров и скорости не снижала ...

А затем скорострельная пушка «Страйкера» выплюнула длинную серию противопехотных боеприпасов и в буквальном смысле слова смела всех собравшихся наблюдателей со столами, экранами, навесами ...

Видимо, съемка велась автономно, и было видно, что машина остановилась в нескольких метрах от остатков наблюдательного пункта.

Экран погас, а Шнурп и его сотрудники ошарашено молчали.

На втором диске все произошедшее было снято изнутри кабины «Страйкера», и было видно, что в некоторый момент времени связь электроники машины с командным пунктом прервалась, а затем машина пошла на штурм наблюдательного пункта. Прицеливание, выбор боеприпасов и команда на поражение цели – все было прекрасно видно по панелям приборов кабины. А потом, когда машина остановилась, экраны один за другим погасли.

– Вот это да! Так что же там случилось?

– Думаю, нам следует снова пригласить Свиридова ...

А в разведуправлении АНБ с интересом читали совершенно секретный доклад о происшествии во время испытаний «Страйкера», особенно заключительную часть документа.

«... Установить причину болезненного состояния сержанта Джекобса П. Армстронга не представляется возможным. Содержание алкоголя в крови сержанта в несколько раз превышает уровень смертельной дозы, после проведенной интоксикации Джекобс не помнит ничего, произошедшего с ним за последние двое суток.

Все электронные устройства машины находятся в полном порядке и причина изменения программы и выполнения непредусмотренных действий неизвестна. Полная проверка всех электронных систем платформы подтвердила их нормальное функционирование.

Предлагаем провести расширенную проверку машины с соблюдением повышенных мер безопасности».

А сотрудникам Шнурпа Свиридов пересказал своими словами заключение по результатам расследования ЧП во время полигонных испытаний «Страйкера», сказав, что оператор был пьян в стельку и ничего не помнит. По крайней мере так решили эксперты, проводившие расследование инцидента.

Новые испытания проверенного до последнего винтика «Страйкера» производили в условиях повышенной секретности и высочайшей безопасности. Для пущей важности в

машину был заложен аварийный заряд взрывчатки с дистанционным радиоуправлением по независимому каналу.

Испытания производили в полностью дистанционном режиме без оператора, и поначалу все шло по программе – «Страйкер» уничтожал цели, маневрировал и уходил от ракет, успешно стрелял по закрытым и открытым целям ...

А потом машина внезапно взорвалась, и, как показал последующий осмотр, подрывной заряд в машине не сработал. Взорвались двигатели платформы, причем сразу оба.

Причину взрыва этих двигателей установить не удалось, сколько не бились над этим эксперты.

Испытания платформы были отложены на месяц, и за этот месяц двигатели для платформы непрерывно испытывали и гоняли на самых немыслимых режимах.

Через месяц во время испытаний на полигоне снова без оператора в полностью автоматическом режиме опытная машина взорвалась во время стрельбы – сперва взорвался заряд в стволе орудия, а затем взорвались боеприпасы в кассете.

От опытного экземпляра осталось очень мало, и опять экспертиза не могла понять причин очередной аварии ...

Из записей ЖЕНИ КУЛЬЧЕНКОВОЙ 1 ПОЛИКЛИНИКА

Женя переждала приступ тошноты и отпила глоток лимонного напитка, приготовленного с утра ее мужем.

Несмотря на то, что беременность началась с удушающей тошноты Женя и ее муж были безмерно счастливы – они так долго собирались завести детей ...

Женя отправлялась в редакцию не каждый день, вернее, не каждое утро. Она любила готовить материалы для газеты дома, листая свою записную книжку и включая диктофон.

Но сегодня она открыла свой дневник.

Это был новый дневник – в отличие от старого записи в этом дневнике начинались с момента их поселения в этом городе, в этой квартире.

Перелистывая страницы Женя остановилась на записи о поликлинике.

Как оказалось название «медсанчасть» привычно не одной Жене, и получив вызов на диспансеризацию она не особенно удивилась.

В поликлинике-медсанчасти ей сразу понравилось – светло, просторно, спокойно.

– Девушка, вы куда? – окликнул ее охранник при входе.

– А вы всех своих знаете? – спросила его Женя, показывая паспорт и вызов из поликлиники.

– Теперь и вас знаю, Евгения Анисимовна. Проходите, пожалуйста.

Регистратура была обычная, с окошками в стеклянной перегородке. Женя протянула направление и девушка за окном выбрала из стопки уже готовую карточку.

– Проверьте правильность ваших данных, – сказала девушка. – А вот вам ваш маршрут на сегодня.

И девушка протянула Жене листочек с перечнем кабинетов, и Женя пошла искать первый в списке номер. Это оказалась аналитическая лаборатория, где она отделалась очень быстро – ей просто дали талончик на анализы на завтра – натошак! – и предупредили, что работают они с восьми часов утра.

Дальше Женя посетила терапевта, гинеколога, хирурга, невропатолога, отоларинголога, окулиста, дерматолога, пульмонолога, кардиолога и даже диетолога.

Освободившись к обеду Женя с удивлением отметила, что самая большая очередь к врачу, в которой ей пришлось подождать, была к окулисту, где сидели пожилые женщины. А чаще всего перед Женей у двери нужного ей кабинета оказывался один единственный пациент.

А наутро с баночкой жидкости для анализа она с раннего утра появилась в поликлинике и сдала кровь на многочисленные исследования, в том числе на ВИЧ, гепатит и прочие нехорошие болезни, а еще ее заставили глотать резиновую кишку и взяли на анализ ее желудочный сок.

И в конце концов Женю отпустили, вручив ей подобие визитной карточки с ее персональным номером и телефоном поликлиники, по которому можно было не только записаться на прием, но и вызвать врача на дом ...

МАЛЬЧИКИ

Перевернув несколько страниц Женя нашла свои первые записи, посвященные знакомству с мальчиками (было подчеркнуто с «теми» мальчиками) и их семьями.

Первое, что поразило ее несмотря на предупреждение, были сами беседы с мальчиками.

Она подготовилась к серьезным разговорам на важные темы, но то, что произошло, было просто невероятно. Мальчики оказались обыкновенными озорными мальчишками своего возраста и одновременно всесторонне образованными и культурными взрослыми людьми.

Разговаривать с ними Жене было одновременно и легко и сложно, но самое главное – безумно интересно. Женя встречалась с ними много раз и каждый раз разговоры были интересны и для Жени очень полезны.

В ее записях каждому мальчику и каждой семье был посвящен целый отдельный раздел.

Начинался этот раздел со страниц, посвященных Александру Кузовенину, его брату Роману и их родителям – Екатерине Михайловне Кузовениной и Василию Герасимовичу Разумееву.

Саша, как его привычно все называли, с большим интересом читал серьезные книги по комбинаторике, векторной математике и нетривиальным способам планирования экспериментов в сложных недетерминированных системах.

И при этом по наблюдениям Жени оставался любознательным и довольно озорным подростком. Женя заметила, что у всех мальчиков есть общая черта – их озорство никогда не выходило за рамки веселой игры и никогда не вызывало нареканий старших.

Саша много времени посвящал младшему брату – водил его в детский садик, играл с ним.

Тут тоже была особенность, которую отметила Женя, и которую это очень порадовало – все эти «особенные» мальчики и их младшие братья старались держаться вместе, и каждый из старших очень заботливо относился не только к своим, но и к чужим младшим братьям.

В разговорах с Сашей он неоднократно ставил Женю в тупик, упоминая то неизвестную ей книгу из новинок художественной литературы, то приводя неизвестные ей философские идеи современных ученых. Еще интереснее было то, что многие из этих сведений Саша почерпнул из иностранной литературы – у него на книжных полках было много книг на иностранных языках.

– Ты свободно читаешь все эти книги?

– Нет, тетя Женя, что ты! Я легко читаю английскую и немецкую литературу, а остальные так, через пень колоду.

Саша в разговоре вообще очень часто приводил народные пословицы и поговорки. И еще, как и все эти мальчики, его речь отличалась правильностью – правильное построение фразы, правильный подбор слов, правильный выговор.

Женя поинтересовалась – откуда это?

– А это нас дядя Толя научил. С самого начала научил правильно говорить. Сперва на русском языке, а потом и на английском.

И Женя убедилась в этом, рискнув заговорить с Сашей на английском языке – как бедно звучала ее речь и как чисто и правильно говорил Саша!

Женя специально пришла в эту семью – и затем в семьи других мальчиков – вечером, когда все были в сборе. И почувствовала настоящую семью со взаимной любовью детей и родителей, с очень бережным, даже трепетным отношением родителей к старшему сыну.

Это взаимопонимание и взаимная привязанность проявлялась во всем.

Когда Женя позвонила у двери в эту квартиру, то ее встретили так дружелюбно, что она даже не поняла – как это она уже очутилась за столом, перед ней стояла чашка с душистым чаем и ей предлагали что-то вкусное. Как в таких условиях было вытащить диктофон?

И она беседовала с сидящими за столом, с удовольствием пила чай, слушала рассказ Саши о проделках младшего брата, а тот весело подтверждал сказанное и пытался пить чай с ложечки.

Разговоры с родителями Саши наедине ничего нового Жене не дали – чувствовалась и любовь к мальчикам, и тревога за будущее старшего.

На прямой вопрос Жени о том, кем хочет стать Саша, он ответил предварительно помолчав.

– Ты не первая спрашиваешь меня об этом. Мы посоветовались и решили, что мне прямая дорога в инженерно-физический институт, где преподает дядя Саша Баранов. Там и физика, и математика, и новейшие методы исследования – все есть.

Борис Васильев, его брат Макар и их родители Зинаида Петровна Васильева и Дмитрий Макарович Петрович.

В этой семье сомнений в будущем старшего сына не было.

Способности Бори чувствовать процессы, происходящие внутри человеческого организма, и при этом как бы просматривать недалекое прошлое пациента и предсказывать результаты лечения были настолько очевидны, что ему была прямая дорога в медицинский институт.

Выбирали только – в какой институт, и на какой факультет.

Боря поводил руками и над Женей и рассказал ей о старых травмах, которые она заработала еще в молодые годы, в институте, во время лыжного кросса.

И еще Боря сказал, что скоро ее желание о ребенке сбудется.

– Ваше с Андреем желание сбудется, – уточнил Боря.

Сергей Вознюков и его брат Тимофей, их родители Галина Ивановна Вознюкова и Александр Тимофеевич Хитров встретили Женю прямо у входной двери – они все вместе собирались на прогулку. Тимофей устроился на руках у капитана Хитрова, а Женя с Сережей шли сзади и разговаривали.

– А какие книжки ты больше любишь? – спросила Женя.

– Хорошие детективы. Такие, где интрига прописана грамотно, и не раскрывается до самого конца.

– О Шерлоке Холмсе?

– Шерлок Холмс слишком примитивен. Лучше английские авторы, даже современные. Даже Гаррисон и Питер Джеймс.

– Знаешь, не читала.

– Его еще у нас не издавали, не переводили. Я в оригинале читал.

Сережа показался Жене несколько нервным. И при этом он предугадывал последующие вопросы Жени во время беседы.

– А что ты думаешь насчет своего будущего? Кем ты хочешь стать?

– Психотерапевтом.

– Почему?! – удивилась Женя.

– Психотерапевт должен сочетать знания психолога, психиатра и духовника.

– И где же ты думаешь получить все эти знания?

– В МГУ на факультете психологии и в духовной академии.

– А откуда ты знаешь о духовной академии?

– От отца Исидора. Это священник в деревне.

– Ты считаешь, что вера в бога полезна для человека?

– В духовной академии мне нужно другое – умение общаться с людьми и внушать им положительные эмоции. Мне представляется, что о боге говорить ... рановато.

Саша Хитров с Галиной Вознюковой шли впереди, и рука Саши обнимала Галину за талию. А любопытная мордочка Тимофея выглядывала из-за плеча отца ...

Олег Дзюбановский с братом Анатолием и родителями Валерией Борисовной Дзюбановской и Анатолием Михайловичем Рыбачковым удивляли своей кажущейся несовместимостью характеров и привычек. И при этом несовпадении Женя видела их прочную сердечную привязанность и взаимную любовь.

Олежка оказался плотным накачанным подростком, с очень озорными глазами. С ним оказалось очень интересно говорить о спорте – о спортсменах, олимпиадах, рекордах.

Знаний Жени просто не хватало, чтобы поддерживать разговор с Олегом.

На вопрос о своем будущем Олег уверенно ответил, что станет тренером и судьей в различных спортивных дисциплинах.

С увлечением Олег рассказывал о своих одесских родственниках и пытался показать их повадки и особенности речи. Или о рыбалках со сверстниками на крымских лиманах, о ночных купаниях.

И он умолчал о том, как волновались его родители, стараясь не ограничивать свободу подрастающего сына.

Дмитрий (Дима) Толоконников и его брат Слава, их родители Вера Ивановна Толоконникова и Станислав Корнеевич Маленький.

Дима поразил Женю своей рассудительностью и вдумчивостью. Выслушал вопрос Жени он иногда задумывался, но зато его ответ становился целой новеллой на заданную тему.

Доброту Димы подчеркивали и другие мальчики, а Женя старалась узнать о мальчиках побольше и расспрашивала их друг о друге. Особенно душевные качества Димы подчеркивали в детском саду – об этом рассказывали и дети, и Люба Докукина, и Даша Огородникова.

А о будущем Дима говорил неуверенно, и подчеркивал нечеткость своего выбора – он хотел быть воспитателем, учителем. А может быть режиссером?

Петр Ложников был неразлучен с братом Леонидом – он много времени проводил в группе детского сада, занимаясь с малышами. Его родители – Вера Степановна Ложникова и Николай Леонидович Кулигин – за кажущейся строгостью старательно скрывали неистовую родительскую любовь к своим сыновьям. Но все равно это можно было заметить по отдельным жестам, словам, взглядам.

Петя читал и разговаривал уже на всех европейских языках и на американском английском.

Женя нарочно попросила его объяснить разницу в английском языке в различных англоязычных странах, и Петя наглядно ей это продемонстрировал.

И при этом Петя собирался поступать на исторический факультет.

– Мне хочется приобщиться к историческим ценностям разных народов через их историю и через их язык, – так объяснил свое желание Петя.

И еще Петя читал Сервантеса в подлиннике и поделился с Женей ощущением, что перевод не дает адекватного представления об оригинале – особенно о самом Дон-Кихоте.

Василия Самохина, его брата Александра и их родителей Нину Павловну Самохину и Николая Ивановича Петрова Женя долго не могла заставить дома – они очень часто уезжали в Москву, в музей. Вася отличался от остальных мальчиков удивительной чувствительностью к оттенкам цветов и различием в музыкальных нотах.

Профессиональные настройщики, которых приглашали для ухода за инструментами из Москвы, поражались его способностям и они начинали просто эксплуатировать его умение различать малейшие оттенки музыкальных нот.

Но значительно больше Васе нравилось разглядывать картины старинных мастеров в музеях, поражаясь богатством красок и оттенков, используемых этими художниками.

И он безошибочно находил следы более поздних вмешательств и реставраций.

– Это очень странно, – задумчиво сказал Вася, стоя перед картиной в зале Третьяковки. – Вроде бы одинаковая краска, а она – разная.

Стоящий рядом пожилой мужчина вежливо обратился к Васе за разъяснениями, и Вася стал рассказывать о том, что он видит. А пожилой оказался художником-реставратором, и таким образом состоялось знакомство Василия с профессионалами.

И профессионалы признали способности Васи видеть то, что не видят они, и стали пользоваться способностями Васи при экспертизе картин и в процессах реставрации.

И каждый раз удивлялись, что Вася видит мельчайшие нюансы оттенков цвета у одинаковых – казалось бы! – красок.

Однажды Васю взял с собой на занятия Олег Ерлыкин, но педагог не поверил, что Вася слышит разницу в одинаковых нотах на разных роялях. После этого пришлось воспользоваться образцовым частотомером, и прибор подтвердил правоту Василия.

Но будущее мальчика было неясно – ни он, ни родители не могли спрогнозировать, где Василию следует продолжать образование и где его способности найдут применение в будущем. Рисовать Вася не любил и у него не особенно получалось – но зато краски, которые он смешивал, использовали все – и в художественных кружках, и художники-любители, и профессиональный художник Олег Кириянович Клычков, обучающий рисованию школьников и всех желающих в городе.

Конечно, Женя не могла обойти своим вниманием Мальчика Олега. Слово «Мальчик» в дневнике Жени Кульченковой было написано с большой буквы не зря – этим именем Олега Ерлыкина называли часто и многие в городе даже думали, что это его настоящее имя.

Как и все мальчики Олег был экстрасенсом, но кроме этого он по мнению ведущих ученых фирмы был талантливым физиком. Об этом Жене рассказывала его мать, Полина Олеговна Ерлыкина, доктор наук, Ученый секретарь на фирме Свиридова, да и другие очень высоко оценивали способности Олега анализировать самые запутанные и сложные идеи и находить решения там, где остальные их не видели.

А еще Олег был необыкновенно музыкален, и Женя узнала, что он всегда принимает участие в выступлениях ансамбля «Живой звук», хотя на сцену выходит редко.

Олег был всего на два года старше остальных мальчиков (которые были практически ровесниками), но он был выше ростом и выглядел значительно старше своих лет.

У него уже была девушка, хорошенькая Катя, приезжавшая из Москвы.

Женя поудивлялась, поудивлялась – эта девчушка приезжала к Олегу, ночевала у Ерлыкиных дома, и это ни у кого не вызывало никаких особых эмоций.

И Женя тоже успокоилась.

Хотя в последнем Женя была не права – находились пожилые женщины, активно – на скамеечке – возмущавшимися падением нравов. Но Женя, наблюдая Олега с Катей, была твердо убеждена в том, что они еще не стали любовниками.

По крайней мере это подсказывал Жене ее собственный опыт ...

Муж Полины Олеговны Семен Гаврилович Черномырдин был талантливым музыкантом, играющим на всех духовых инструментах, и увлечение музыкой объединяло его с приемным сыном. А кроме этого он еще был главным экономистом на фирме Свиридова. И экономистом тоже талантливым.

Всех мальчиков объединяло то, что они все были экстрасенсами, но об этом они Жене не рассказывали, да она их не расспрашивала.

Но еще одно обстоятельство объединяло этих мальчиков – они все жили в семьях с неродными отцами, хотя ни в одной семье Женя этого не смогла заметить.

И ужасно удивилась, когда об этом ей рассказал Свиридов.

Были еще общие черты у всех этих семей. Все женщины в этих семьях были высококвалифицированными операторами (чего?), а мужчины – офицерами спецотряда под руководством майора Воложанина.

И при этом у каждого была еще и гражданская специальность.

При своем знакомстве с названными сестрами Свиридова Женя не могла обойти и семью Дарьи Федоровны Огородниковой, которую иначе, как Даша никто не называл, и майора Юрия Николаевича Воложанина.

У Даши и Юрия был очаровательный сын Федор, очень обстоятельный и серьезный человек, который был очень дружен с мальчиками «сестренки», и проводил с ними много времени. При этом Женя не заметила, чтобы разница у мальчиков – а у Феди не было экстрасенсорных способностей – играла какую-нибудь роль в их взаимоотношениях.

Даша работала воспитательницей в детском саду, и, как оказалось, была первой воспитательницей мальчиков-экстрасенсов.

Это, естественно, наложило отпечаток на их взаимоотношения, и мальчики очень нежно относились к Даше, а она – к ним.

Бликие дружественные отношения у Даши сложились и с матерями мальчиков, тем более что их мужьями были офицерами в отряде ее мужа ...

О СВАДЬБЕ С ПРЕЗИДЕНТОМ

Несколько страниц в дневнике у Жени были посвящены достаточно интересному и необычному событию – свадьбе молодой девушки Кати Донцовой с молодым офицером Вениамином Прошиным.

Эта молодая пара была своеобразными «крестниками» президента. Во время визита в колхоз президент познакомился с ними, а потом Катя попросила его благословить их союз с Вениамином.

Теперь молодым построили дом, и на этой новой улице играли сразу несколько свадеб, в том числе и молодых работников нового завода по производству несъемной опалубки. Перед свадьбой Катя позвонила Свиридову и напомнила об обещании президента побывать у них на свадьбе, и Свиридов позвонил Людмиле Путиной и рассказал об этом.

Потом Тоня Свиридова и Людмила Путина согласовывали свои подарки и даже праздничные наряды ...

И когда все рассаживались за столы, установленные вдоль всей улицы для всех свадеб сразу, Свиридов наклонил к столу два стула. И когда добровольные организаторы скомандовали «наливай!» к столам быстро подъехал черный джип и из него с букетами вышли ...

Шуму было много, а президент с женой сперва поздравили Прошиных, а затем и другие молодые пары, сели за стол и подняли рюмки с сухим вином ...

Коллективную свадьбу снимали оба телеоператора, но столпотворение предотвратили офицеры охраны – сведения о приезде президента не распространилось за пределы свадебного стола.

А в записях Жени было много подробностей и мелочей с этой свадьбы, и хоть она сидела далеко от президента с его женой, все же ей удалось даже потанцевать с президентом – он вспомнил Женю и поинтересовался ее творческими планами.

А на стене у молодоженов Прошиных теперь висела фотография – между Катей в белом платье и Вениамином в парадной форме стоял улыбающийся президент ...

ТЕЛЕБЕСЕДА О ГАЙДАРЕ

Каждую пятницу на экранах телевизоров появлялся Свиридов.

Тема его очередного выступления была связана с письмами жителей города, и предугадать тему выступления было невозможно.

На этот раз Свиридов говорил ... о Гайдаре.

В вопросе телезрителя, которое зачитал друг Свиридова Виктор Скворцов, один из ведущих ученых фирмы, явно чувствовалось недоверие к содержанию произведений Гайдара, якобы прославлявшего коммунистические идеалы.

Свиридов перечислил основные произведения Гайдара, кратко пересказал их содержание, назвал героев. А потом рассказал о жизненном пути Гайдара.

Жене особенно запомнилось:

– ... Аркадий Голиков вошел в революцию подростком – ему было лет пятнадцать. И он активно включился в гражданскую войну, стал командиром, участвовал в операциях ЧОН'а. Таким образом он в молодые, подростковые годы погрузился в жесткость гражданской войны. И при этом в его произведениях нет жестокости, а наряду с положительными героями и эмоциями явно просматривается некоторая непонятная грусть. Учитывая непростую жизнь Голикова-Гайдара можно считать причиной этой грустной нотки его несложившуюся жизнь – он был настроен на войну и был мало приспособлен к мирной жизни. Почитайте снова его произведения, перечитайте «Голубую чашку», и вы почувствуете это сами – его неприспособленность к мирной жизни, которую он не понимал ...

О СЕБЕ И О СВИРИДОВЕ

При первых признаках беременности Женя пошла в поликлинику, вернее, ее туда заставил пойти муж. И, видимо, не зря. И терапевт, и гинеколог в один голос прописали Жене курс витаминов, рекомендовали есть побольше фруктов и побольше бывать на воздухе. Сказался недостаток нормального питания в последний год, когда воинская часть была расформирована и брошена на произвол судьбы.

Женя старалась выполнять все предписания врачей, делала гимнастику, ходила пешком, но все равно беременность протекала тяжело и она никак не могла избавиться от постоянной тошноты.

Женя старалась работать дома, в редакции шли ей навстречу, иногда даже за материалами приезжал курьер, но неизменно в каждом номере многотиражки появлялась статья Евгении Кульченковой.

Вот и сейчас Женя перелистала свой журналистский блокнот, выбирая тему очередной статьи.

О чем написать?

О спортивных соревнованиях между командами института, города и машзавода?

О вреде курения и почти полном искоренении этой вредной привычки в городе?

О строящемся хосписе?

Она вспомнила Дину Егоровну Утечкину.

Женя встречалась с ней несколько раз, и один раз в кабинете Свиридова. Тогда ее удивило то, что Свиридов называл Утечкину Дайяной, а иногда говорил с ней на английском языке.

А еще Женю поразила деловитость и даже жесткость Утечкиной в руководстве стройкой и та бережность и даже нежность, с которой она общалась с пожилыми пациентами больницы.

– Не вздумай писать о ней! – предупредил Женю Свиридов.

Она хотела спросить «А почему?», но Свиридов так посмотрел на нее, что охота спрашивать у Жени отпала.

Вообще Свиридов вызывал у Жени большой профессиональный и человеческий интерес, и почти на каждой странице хоть пара строчек, но была посвящена Свиридову.

А поскольку Женя в качестве журналистки присутствовала на многих встречах и совещаниях (куда не допускали официальную прессу), то у нее накопилось много наблюдений.

Некоторые из этих наблюдений потом превращались в строчки статей, а некоторые оставались в памяти – может быть, на будущее.

Женя хорошо понимала секретность многих событий и разговоров, свидетелем которых ей довелось быть.

Иногда она работала в паре с видеооператором, и тогда ей приходилось думать о будущем видеоизображении и его связи с ее текстом. Ей больше нравилось работать с Анной Кутенковой – Анна не капризничала, легче шла на встречу пожеланиям Жени.

С Чумачевым работать было сложнее, он считал себя достаточно грамотным, чтобы выбирать видеоряд, и Жене впоследствии приходилось приспосабливаться к изображению.

С Анной вместе Женя подбирала видеоматериалы по истории города в архиве, и начинала монтировать видеофильм под рабочим названием «Кто вы, генерал Свиридов?»

В этой работе Жене и Анне приходилось не только соблюдать все требования секретности, но и условие Свиридова – чтобы изображение его лица в кадре не появлялось. Из-за этого нередко вместо изображения Свиридова использовали вид со спины кого-нибудь из офицеров.

Причем разных, чтобы не возникало ощущение реальности изображения.

Вообще Жене со Свиридовым работать было и легко и сложно.

Казалось, командующий отвечал на ее вопросы, но нередко ответы оказывались загадками, которые Женя даже не пыталась разрешить.

А иногда разговоры были настолько содержательными и интересными, что Женя страшно жалела, что Свиридов запретил ей записывать их беседы на пленку ...

О КУРЕНИИ В ГОРОДЕ

О курении в городе Женя даже написала небольшую заметку под заглавием «Самоубийцы».

То, что в городе почти не курят, она заметила в первый же день.

Как-то было странно – никто не сосал сигарету, и она физически почувствовала отсутствие курящих.

Выгоняя мужа с сигаретой на балкон Женя не уставала напоминать ему и о вреде курения, и о том, что курить в городе было не престижно, а на работе вообще нельзя.

Она долго не могла привыкнуть, что в здании фирмы, где она часто бывала, никто не курил. Ни на лестнице, ни в других укромных местах курящих не было ...

СПОРТ В ГОРОДЕ

В городе было довольно много небольших спортивных площадок, так называемых «коробок».

В одних «коробках» были обозначены футбольные ворота, в других висели баскетбольные сетки, в третьих – волейбольные сетки, и еще кое где – теннисные.

И в каждой такой коробке можно было обнаружить мальчишек и девчонок.

А более серьезно спортом занимались на стадионах – один был здесь, на окраине города, а другой – в городе машзавода. И был крытый бассейн с пристроенной сауной, а потом появился еще один бассейн с минеральной водой, где помещались физиотерапевтические кабинеты.

Между спортивными командами города, машзавода и института проходили частые соревнования, на которые собиралось множество зрителей.

Когда Женя спросила Свиридова о том, каким видом спорта он занимается, тот, помолчав и подумав ответил – я в молодости занимался боксом.

– А сейчас? Неужели вы не занимаетесь спортом? Не участвуете в соревнованиях?

– Я занимаюсь индивидуальными видами спорта, но в соревнованиях не участвую.

– Но почему вы не поддерживаете свою команду?

– Это – предмет отдельного разговора ...

Женя потом спрашивала других знакомых об участии Свиридова в спортивных соревнованиях.

Отвечали ей примерно одинаково – команда, в которой будет играть Свиридов, будет выигрывать всегда и у всех. Но подробностей никто не приводил ...

– Да ты что! Дядя Толя настолько хорош на поле, что его команду обыграть нельзя! – уверенно сказал Олег Ерлыкин. – Его спортивное мастерство ... вне конкуренции.

Женя интересовалась работой детских организаций, в первую очередь – ясельной группы детского сада.

Пришла в младшую группу и была удивлена до глубины души.

Малышей – мальчиков – было немного, всего одиннадцать, но в группе кроме этих мальчиков были и девочки, чуть постарше, из младшей группы детского сада, и еще Саша Кузовенин и Сережа Вознюков. Девочки играли с мальчиками, и каждая – а это было видно невооруженным глазом – опекала «своего» малыша. В помещении было много детей, но не было шума и суеты – все играли слаженно и дружно. А Сережа читал малышам сказки, и те внимательно слушали его.

На Женю внимание обратили, но, видимо, гости здесь бывали часто и к ним привыкли.

А Саша и Сережа издали поздоровались с ней.

В школе Женя попала на уроки физкультуры и поразила тренированности шестиклассников и тому, что многие уроки для мальчиков и девочек проводят отдельно.

А на занятиях по борьбе Жене стало понятно, почему на улицах города не встречались детские драки – мальчики и девочки в такой степени владели навыками борьбы, что им вполне хватало соревнований, которые проводили – Женя удивилась! – каждую неделю. И каждую неделю победителям вручали грамоты, а потом каждый месяц объявляли победителей месяца. Соревнования вызвали большой интерес не только в тех возрастных группах, где соревновались школьники – спортивные группы были созданы для всех возрастов.

Когда Женя пришла знакомиться с работой секций, ей не только все показали и рассказали, провели по всем помещениям, но и пригласили записаться в секцию.

Женя порадовалась за занимающихся – такие удобные раздевалки и душевые, комнаты психологической разгрузки и медпункты в каждом зале ей очень понравились. Она пожалела, что в данный момент она уже не сможет заниматься борьбой, но на будущее решила обязательно принять участие в занятиях одной из секций.

Когда в разговоре со Свиридовым Женя затронула эту тему, ей дали провожатого и она побывала в спортивном зале около КПП на территории фирмы.

Тут она увидела такое, такое мастерство, такую слаженность в групповых упражнениях, что открыла рот.

А когда ей сказали, что генерал Свиридов бывает в этом зале несколько раз в неделю, то рот у Жени закрылся сам собой ...

АВТОМЕХАНИК

Много страниц в дневнике Жени были посвящены удивлению от города.

Тот город, где теперь жила Женя, был похож на сотни других городов с их стандартными домами, похожей планировкой и обычным набором служебных зданий.

А приходя в город при фирме Женя каждый раз находила что-то новое и удивлялась тому, насколько все это было не так, как в ее городе.

Многие бытовые службы прятались в первых этажах жилых зданий, а для других среди зелени стояли небольшие трехэтажные здания.

Интереснее всего ей было в здании с надписью «Комендант города». В здании помещалось множество служб для обслуживания города и его жителей, но что это были за службы!

В просторной комнате сидели женщины и у каждой на столе стояла табличка – «Горгаз», «Горводопровод», «Горлифт», «Горвентиляция», «Горзелень» и другие «Гор...».

Каждая такая служба полностью была в руках одной женщины, и никаких затруднений с функционированием этих служб не возникало.

Кабинет коменданта помещался на третьем этаже и как поняла Женя попасть к коменданту труда не составляло.

В другом трехэтажном здании помещался универмаг с очень разнообразным набором товаров и с очень добрыми и квалифицированными продавцами – с ними было очень интересно пообщаться. А в первом этаже был магазин заказов – весь товар был представлен в виде красочных фотографий. Но выбор мебели, бытовой техники, сантехники, осветительной аппаратуры, видео– и аудиотехники был чрезвычайно богат. При необходимости можно было ознакомиться и с фирменными каталогами.

Пожалуй, единственный товар, который отсутствовал в этом магазине, были автомобили.

За этим товаром желающих отправляли к Ивану Гавриловичу Иванову, автомеханику и начальнику гаража. Иван Гаврилович знал о машинах все – или почти все, и к его советам все прислушивались. Тем более, что купленную машину на техобслуживание привозили к Иванову, поскольку это было самое квалифицированное обслуживание и по фирменным технологиям.

Женя несколько раз бывала у Ивана Гавриловича в гараже.

В этом гараже стояли машины жителей города, и кроме частных машин других машин там не было. Когда там побывала Женя гараж уже стал достаточно комфортабельным, а по рассказам сначала он был открытым, огороженным металлической сеткой.

Теперь боксы были закрытыми, а при входе находилась мастерская Ивана Гавриловича – прекрасно оборудованная, с двумя подъемниками и несколькими помощниками.

В помощниках у Ивана Гавриловича были бывшие выпускники лесной школы-интерната. Трое из них окончили ПТУ, один – техникум, а была еще девушка, которая по умению обращаться с моторами не имела себе равных.

Но сам Иван Гаврилович был очень немногословен, и все, что Женя узнала, она узнавала от других. От Свиридова она узнала о жене Ивана Гавриловича, очень способной чертежнице, работавшей со Свиридовым давно, и о их четырех детях – трех мальчиках и одной девочке.

Эти дети были очень дружны и достаточно непоседливы, и с этой рыжей четверкой никто не рисковал связываться – их дружный отпор был всегда успешным.

Мать их, Надежда Петровна, много времени уделяла детям, и с разрешения Свиридова почти всегда работала неполный день. Но зато ее чертежи можно было демонстрировать на выставках – таким высоким было качество. А вот нововведений Надежда Петровна не признавала – от карандашной кальки до АвтоКада, и чертила по старинке, карандашом на ватмане.

В гараже было много импортных машин, но как показалось Жене разнообразием фирм они не блистали. И это было так на самом деле – оказывается, Свиридов попросил Ивана Гавриловича порекомендовать наиболее надежные фирмы, автомобили которых обладают наибольшей надежностью и долговечностью. И Иван Гаврилович назвал Свиридову эти фирмы – немецкие и японские. И большинство машин в гараже были из этих стран, и их обслуживали здесь же, в мастерской, где висели фирменные флажки нескольких именитых фирм.

Как сказала Жене единственная девушка, Иван Гаврилович плохо разбирался в новых приборах и электронике, но зато у него был удивительный слух – он диагностировал каждый двигатель без приборов. Но тем не менее все приборы в мастерской были, и молодежь успешно ими пользовалась.

Женя спросила, а есть ли тут машина самого Свиридова?

Ей показали две машины – скромную вазовскую «восьмерку» Гриши и серебристый крепенький угловатый внедорожник «Гелендваген» фирмы Мерседес Бенц Тони Свиридовой.

В соседнем боксе стоял близнец – «Гелендваген» Маргариты Антиповой, только он был черного цвета.

И еще мотоцикл – прекрасно сохранившийся ДКВ выпуска довоенных 30-х годов, на котором иногда ездил сам Свиридов.

– А когда ему бывает нужна престижная легковая машина, то Анатолий Иванович просит у своих друзей – у Виктора Скворцова, у Карена Варданяна, у Полины Ерлыкиной ...

Машин в гараже было сравнительно немного – часть боксов пустовали.

Местным жителям было некуда особенно ездить, а в Москву проще и быстрее было добраться на автобусе. Но с появлением дачных участков число машин стало увеличиваться – покупали машины для поездок на свой участок, но обычно приобретали машины подержанные, подешевле.

И тут советы Ивана Гавриловича были бесценны – он определял состояние любой машины быстро и безошибочно ...

ЭТО – МОЙ ГОРОД

Торговых точек в городе было много.

Продовольственные магазинчики были почти во всех жилых домах, а в первых, старых корпусах их было даже по два – по три. А вот ассортимент во всех торговых точках был совершенно одинаков.

Как и атмосфера благожелательности и доброты – все продавцы и все покупатели были близко знакомы.

И еще – все жители города пользовались пластиковыми карточками, а наличные деньги были не в чести. Пожалуй, только на рынке все покупали за наличные, а потом многие из продавцов с рынка шли в сбербанк и клали деньги на личный счет своей пластиковой карточки.

У Жени с мужем тоже были такие карточки, на них перечисляли их заработную плату. Пользуясь карточками они приобретали большинство нужных им товаров, а при необходимости можно было снять деньги с карточки в наличной форме в любом отделении сбербанка.

О городе в дневнике Жени Кульченковой было много интересного, и она часто пользовалась этими записями при подготовке своих публикаций.

«Это – мой город!» – и этот вывод Женя подтверждала каждый день в своих статьях ...

ЭКСКУРСИИ

Отдельная тетрадка была посвящена таким культурным мероприятиям, как поездки в различные города – в Санкт-Петербург, Киев, Новгород, Волгоград, Иркутск, Пермь, Владивосток ...

Женя описывала поездки на теплоходах по Волге, по Мариинской системе, на Валаам ...

Их было много, таких поездок, длительных и коротких, но поскольку Женя побывала не на всех из них, то некоторые только упоминались, а описания других занимали несколько номеров газеты подряд.

В этих случаях газету под привычным названием «Наша газета» прямо таки вылавливали в киосках, а нередко допечатывали дополнительный тираж.

Еще бы – в путевых заметках Женя рассказывала так много нового и интересного про все города, где останавливался теплоход, про все экскурсии, и много всего неформального от рынка до особенностей быта.

Редакции газеты пришлось «попотеть», и теперь некоторые номера газеты кроме рисунков Гриши Свиридова были снабжены цветными иллюстрациями.

Изредка в газете появлялся литературный уголок – информация о новых книгах, появившихся в магазине, аннотации к этим книгам, отзывы прочитавших.

Удалось Жене организовать и уголок моды – редко, всего раз в месяц, на страницах газеты появлялся обзор современных мод с рисунками. И хотя этот материал не был подписан, но все догадывались об авторстве Тони Свиридовой и были уверены в авторстве художника.

А поездки в Москву на всевозможные выставки, на модные спектакли!

Женя удивлялась тому, что удавалось доставать билеты в такие недоступные места.

Конечно, некоторые театры приезжали сюда и устраивали представления на сцене Дома культуры, но приезжали те, чьи представления не были связаны с габаритными и сложными декорациями ...

Отзывы по поводу отпусков, проведенных на побережье Черного моря вблизи Сочи тоже появлялись в газете, хотя чаще такие материалы были посвящены отдыху детей где-нибудь в Геленджике или Анапе ...

Евгения Кульченкова стала ведущим корреспондентом газеты, и практически не было номера без ее материала.

Даже из родовой палаты она умудрилась сделать интересный материал ...

ВИЗИТ К ЗНАКОМЫМ

ДОКЛАД НАЧШТАБА

– Дементий Кузьмич, Свиридов беспокоит. Помнишь такого?

– Здравствуй, Анатолий Иванович. Такого забудешь ...

– Собираюсь в гости к тебе. Как, примешь?

– Так с тобой одни хлопоты и неприятности! Или ты их чувствуешь? Давай, приезжай, Женя о тебе скучает, да и я, грешным делом, тоже.

Через несколько дней Евгения Павловна, зайдя в штаб, поинтересовалась – где обещанный ей Свиридов?

– Вот докладывают. Запросил посадку спецрейс вне всяких расписаний. Если спецрейс – то это только Свиридов.

Вечером у Белоглазовых за столом угощали дорогого гостя – офицеры, прилетевшие с ним, обосновались у знакомых в роте, а полковник-ракетчик упросился отдохнуть.

– С чем же ты прилетел, Анатолий Иванович? Ведь без дела ты бы нас не навестил.

– Не приставай к человеку, Дема! О делах завтра поговорите, а сейчас дай Анатолию отдохнуть. Кушай, кушай, Толечка, не обращай на него внимания.

Утром Свиридов заглянул к Белоглазову.

– Так что у тебя случилось, Дементий Кузьмич? Я вчера почувствовал, что что-то неладно. Рассказывай.

– Я тебя, Анатолий Иванович, давно знаю. А вот в каком качестве ты сейчас ко мне прибыл – не знаю. Уж извини.

– Ты прав, Дементий Кузьмич. На, погляди.

Свиридов протянул Белоглазову небольшую книжечку, напоминающую заграничный паспорт. Белоглазов открыл – первые страницы были пустые. Тогда он открыл книжицу с обратной стороны – там вдоль страницы, как полагается, были фотография и данные о владельце. Но дальше ...

Белоглазов долго читал убористый шрифт следующих страниц.

– Да, – сказал он, возвращая документ, – Это будет пожалуй похлеще твоего старого, зеленого документа. И прав президент тебе добавил. Теперь я имею полное право доложить тебе ... Сейчас вызову своих. А ты, говорят, ракетчика привез с собой? Зови. И если еще кто-нибудь из твоих нужен – зови.

Через несколько минут в кабинете командующего военным округом кроме хозяина кабинета и генерала Свиридова сидели приехавшие со Свиридовым офицеры, начальник штаба полковник Карадонов и начальник спецчасти полковник Гаврилов.

– Итак, товарищи офицеры. Полномочия у генерала Свиридова по сравнению с прошлыми даже расширились, поэтому Константин Петрович доложи-ка нам обстановку. Не всю, а связанную с бывшей ракетной базой.

– Слушаюсь, товарищ генерал. Эта ракетная база, – Карадонов показал на подробной карте, – была по соглашению со Штатами выведена из числа действующих и снята с боевого дежурства. Военская часть, обслуживающая базу, должна была передислоцироваться еще в конце прошлого года, но ... Все остались на своих местах, но часть снята со всех видов довольствия. Соответственно нам срезали фонды.

– Извините, Константин Петрович, что перебиваю. Кто в управлении отвечает за эту базу?

– Генерал Белореченков. Мы неоднократно обращались в Москву, но нам отвечали, чтобы мы не лезли в чужой огород. Поэтому там, в городке около взорванных пусковых шахт, полный беспредел и анархия. Мы по приказу генерала Белоглазова подкидываем им продовольствие из своих фондов, но не так много, и как они выживают – непонятно. Три дня назад вооруженные люди совершили нападение на окружающие села и забрали там продукты питания. Это были офицеры с данной базы. Поскольку никакой связи с базой нет, туда, на базу, был послан помощник замполита ... прошу прощения, привыкли ... майор Сенецкий. Он никакой весточки не подал, его рация молчит. Пока наверх мы ничего не сообщали, но сегодня крайний срок и мы будем вынуждены доложить.

– Есть вопросы к полковнику Карадонову? Нет? Я дополню. По нашему сведению персонал базы располагает техническими средствами для дальней радиосвязи. Наша служба слежения засекала два сеанса связи, предположительно с Москвой – ВЧ у них ликвидирована, и другие центральные линии связи – тоже. Со штабом связи нет – телефонная линия нарушена. Вокруг территории базы охрана восстановлена, и проникнуть туда не представляется возможным.

– Что известно о численности воинской части, численности населения в городке, о вооружении?

– Разрешите мне? – это сказал полковник Перепелкин с ракетами на петлицах, прилетевший вместе со Свиридовым.

Его внимательно выслушали.

– Благодарю. Тогда вопрос – что намеревается предпринять командование округом?

– Видишь ли, Анатолий Иванович ... Можно, конечно, по их периметру выставить свою охранную цепь, но не приведет ли это к вооруженному столкновению? Думаю, приведет. Как вступить с ними в контакт – пока неясно.

– Кто там командует? Или командовал?

– Полковник Степаненко – мужик крепкий, своенравный и плохоуправляемый. За что и генерала ему не дали. Он сейчас там заправляет или не он – неизвестно, но скорее всего он. А какие мысли у тебя есть, Анатолий Иванович?

– Многовато там гражданского населения ... Есть куда людей вывезти оттуда?

– Нет. Жилье можно подготовить, но их нужно кормить, трудоустраивать. А у нас в городе уже и без них безработица намечается.

– Понятно ... Тогда так. Предлагаю собраться в том же составе, – Свиридов взглянул на часы, – в пять часов. Информация к этому времени будет, не скажу, что исчерпывающая, но будет.

– Все свободны. – когда все офицеры вышли Белоглазов спросил Свиридова. – Что задумал? Поделись.

– Я с тобой, Дементий Кузьмич, лучше потом поделюсь. А пока позови шифровальщика и накажи врачу приготовить в четырех часам две ампулы глюкозы и упаковку аскорбиновой кислоты. Хоп?

– Хоп.

– Тогда позвони Евгении Павловне. Я сейчас к ней приеду и лягу отдыхать. Пусть она меня не беспокоит до четырех, а аскорбинку и глюкозу пусть привезут туда, к тебе.

– Что ты задумал? Ладно, потом расскажешь.

– Женечка, я полежу в той комнате. Только ты не беспокой меня до четырех часов, ладно?

– Ложись, ложись, Толя. Отдохни. Я шуметь не буду.

НЕЗРИМЫЙ ВИЗИТ

Перенос виртуальности на точку занял доли секунды, а дальше Свиридов перемещался медленно. Небольшой город со стандартными пятиэтажками, заметенные улицы с прокопанными дорожками – улицы, по которым давно не ездили на автомобилях.

Он нашел штаб, побывал в разных помещениях, нашел Сенецкого, запертого в небольшой комнатенке. Самое главное, для чего Свиридов отправился сюда – выяснить настроение и намерение руководства этим гарнизоном.

В результате наблюдений он установил, что хотя Степаненко в основном сохранил управление частью, но все вопросы решались коллегиально неким советом гарнизона.

И в состав этого гарнизонного совета входили наряду с трезвомыслящими офицерами несколько экстремистки настроенных людей с неустойчивой психикой.

Действительно, они уже провели «экспроприацию» продуктов питания в окружающих населенных пунктах, рассудив, что областное руководство людей голодными не оставит, и планировали еще подобные операции. Для проведения подобных «эксов» был сформирован специальный вооруженный отряд офицеров, которые и раньше со своими подчиненными не особенно церемонились.

А с теми, кого они грабили, они церемонились еще меньше.

В оружии недостатка не было – все оружие, положенное по штату воинской части ракетной базы, находящейся на боевом дежурстве, осталось при ликвидации ракет на руках. Были даже два БТР'а со 100-мм гладкоствольными орудиями, и боеприпасы к ним.

Настроение было воинственное – у части военных, и весьма тревожное и подавленное у вольнонаемных и гражданской части населения. А поскольку многие семьи включали и военных, и гражданских, то общее настроение можно было оценить как подавленное и неустойчивое.

Свиридов не упускал возможности поснимать – видеокамера у него почти все время еле слышно жужжала. Нередко он включал диктофон, не тратя память камеры на изображение.

Особое внимание Свиридов уделил складу боеприпасов и хранению тяжелого вооружения. Охрана была, но не особенно тщательная, но наличие охраны Свиридова не смущало. На всякий случай он «прошелся» по помещениям складов и осмотрел места возможного заложения подрывных зарядов.

Еще раз напоследок «обходя» административные помещения Свиридов набрел на небольшую запертую комнатенку с весьма любопытными бумагами. Из этих машинописных листков становилось ясно, что в части возникло нечто вроде политической партии, ставящей своей целью установление связи с иностранными правозащитными организациями.

Свиридов забрал с собой несколько документов, в том числе воззвание к мирному населению городка ...

Ровно в четыре часа Свиридов вышел из комнаты.

– Толя, что с тобой? – всполошилась Евгения Павловна. – Ты вроде похудел и цвет кожи у тебя ...

– Ничего, Женечка. Сейчас поправим. Согрей мне чайничек. Где глюкоза и аскорбинка?
К пяти часам внешний вид лица Свиридова мало отличался от того, каким оно было утром ...

ПОПЫТКА КОНТАКТА

– Чем порадуешь нас, Анатолий Иванович?

– Порадую – это вряд ли. На, Дементий Кузьмич, посмотри, что там печатается и распространяется.

Белоглазов, а затем и другие читали принесенные Свиридовым листки.

– Слушай, откуда это? Как ты это достал?

– Не бери в голову, Дементий Кузьмич. Докладываю, что там происходит ...

С открытыми ртами офицеры слушали доклад Свиридова – только его офицеры рты не раскрывали, но слушали очень внимательно.

– Шифровки для меня не было?

– Есть. Шифр нашим не известный. На, читай.

Свиридов просмотрел короткую шифрограмму.

– Дементий Кузьмич, вызывай шифровальщика с шифрблокнотом. Я посижу пока в твоей комнате отдыха?

Минут через пятнадцать шифровальщик унес блокнот с несколькими страницами, исписанными цифрами, и с подписью Свиридова и словами «отправить срочно вне очереди».

А Свиридов присоединился к офицерам в кабинете Белоглазова.

– Боевая группа гарнизона полковника Степаненко в ближайшее время предпримет новый налет и грабеж.

– И какие будут предложения? Известно, где и когда?

– Я считаю, что неплохо бы дать отпор бандитам.

– Согласен, Трофим Трофимович. Но как узнать, куда они пойдут?

– Узнаем. Но если давать отпор, то так, чтобы не ушел ни один.

– А ты кровожадный, Анатолий Иванович!

– И еще я хочу поговорить с ними. Техническую сторону я беру на себя, а вот содержание моего выступления я хочу с вами обсудить.

– Завтра боевая группа направится вот по этой дороге. Они надеются захватить бензовоз, а так же поживится в продмаге чем бог послал. Идут на двух грузовиках, оружие стрелковое – Калашниковы. И еще завтра на одиннадцать утра у них назначена массовая акция – в зале дома офицеров с приглашением вольнонаемных и населения. Вот там я и поговорю с ними. Вы сообщите мне о результатах контакта с их боевой группой.

Без четверти одиннадцать Свиридов невидимо занял место на сцене дома офицеров.

Зал уже был полон, за столом на сцене усаживались разномастно одетые офицеры.

Председательское место занял не Степаненко, а подполковник с нервным лицом.

– Дорогие сограждане! Начинаем наш митинг! У нас один вопрос – как нам жить дальше. Мы не получаем никакой помощи от родного правительства, нас никто не хочет услышать. Поэтому предлагается войти в контакт с международной правозащитной организацией «Эмнисти интернейшнл» и призвать на помощь мировое сообщество ...

– Не забудьте сообщить им о своих вооруженных нападениях на мирных жителей. – громко сказал Свиридов.

Установилась мертвая тишина, разорванная криками «Кто? Откуда?»

Но крики неслись со стороны президиума, а не из зала.

– Назовем это просто «голос». И послушайте ...

– Охрана, убрать это!

На сцену выскочили вооруженные люди и стали заглядывать во все закоулки.

Переждав суматоху Свиридов вновь подал голос.

– Искать меня не нужно, Захочу, сам покажусь. А вот слушать меня невредно ...

– Где?! – заорал нервный в президиуме, выхватывая пистолет, – Кто?!

И выстрелил в сторону голоса. Пуля упала на пол сцены.

– Третий выстрел будет тебе в лоб, шизоид. – сказал Свиридов.

Нервный выстрелил подряд три раза и опрокинулся на спину – во лбу у него темнело аккуратное отверстие от пули. Звука выстрела никто не слышал, и это произвело дополнительное впечатление.

– А теперь слушать меня! – громким командирским голосом начал Свиридов. – И слушать внимательно! Воинская часть под командованием полковника Степаненко превратилась в вооруженную банду, а высказанное сейчас желание связаться с границей превращает это бандформирование в международный мафиозный очаг преступности.

Переждав шум в зале Свиридов продолжал.

– Вот совсем недавно, только что, бандгруппа под руководством майора Житкова направилась на захват бензовоза и продуктов питания. К вашему сведению вся эта группа полностью уничтожена. Полностью.

Стон в зале.

– Могу персонально перечислить всех, кто погиб в бандитском нападении. А их родным и близким высказываю свое соболезнование. Ведь далеко не все вы одобряете то, что вытворяют ваши экстремисты. Но да бог с ними ...

Свиридов помолчал и зал тихо ждал.

– Как жить дальше? Вот главный вопрос, который необходимо решать. Переиначим вопрос – что делать с вами? Вариантов немного. Первый вариант – уничтожить все, что находится внутри периметра, ограничивающего вашу территорию. Сделать это несложно. Тут достаточно военных специалистов, которые могут подтвердить мои слова неспециалистам. При этом погибнут все.

– Вариант второй. Вооруженные военнослужащие складывают оружие и сдаются. А вольнонаемных и семьи военнослужащих эвакуируют в центральную часть России. При этом кое-кто получит по суду свои годы для отсидки, но все останутся живы. Мне второй вариант нравится больше ...

Свиридов уже довольно долго наблюдал за противоположной кулисой – там толстячок установил раритет – ручной пулемет Дегтярева и с помощью микрофона настраивался его на голос. Наконец толстячок решил, что он определил источник звука и нажал на спуск. Громкая очередь прорезала сцену, пули одна за другой посыпались на пол. Свиридов снова выстрелил и толстячок опрокинулся на спину. И снова все стихло.

– Сожалею. Но я стреляю только на выстрелы. А теперь вам решать, как вам дальше жить. Поскольку получается, что агрессивное начало тут представляют военные, то я предлагаю женсовету собрать свой митинг, и я приду на него. А завтра вам доставят подарочек – генерала, который в Москве отвечает за все прелести вашего существования. Делайте с ним, что захотите. Если вы оставите его в живых, то я ему не завидую. Счастливо оставаться.

Свиридов, конечно, никуда не ушел, а внимательно слушал – что будет дальше. Но понять все, что творилось в зале, было трудно. Президиуму говорить не давали, крики вдов, чьи мужья ушли с майором Житковым, тонули в общем крике женщин ...

Утром выяснилось, что остатки бензина из хранилища вытекли через отверстие от пули крупного калибра.

А потом к проходной в колючей проволоке прихрамал генерал Белореченков, и его посадили под замок в ту же комнату, где уже сидел майор Сенецкий ...

ЖЕНСОВЕТ

Женщины не придумали ничего разумнее, как собрать свой митинг в женском отделении бани. Там было холодновато, поэтому Свиридов присутствовал совершенно спокойно, не боясь оказаться нескромным.

Женщины долго настраивались, обсуждая всякие новости и не переходя к самому главному – что же делать. Но постепенно все успокоились, подчиняясь строгой председательнице.

– Все, бабы, хватит болтовни. Давайте по делу. Голос – ну, тот, который говорил тогда в доме офицеров – обрисовал два варианта исхода ситуации. Может быть, кто-нибудь знает третий вариант? Сколько я ни думала, ничего не придумала ... Есть другие мнения?

Женщины молчали.

– Нет других мнений. Кстати, голос обещал нас посетить ... Голос, ты тут?

– Да, я тут, – ответил Свиридов – И я вас слушаю.

– Можно попросить вас более детально рассмотреть второй вариант? Поподробнее и понятнее, что ли ...

– Давайте разберем этот вариант. Суд определит меру ответственности военнослужащих, особенно тех, кто принимал участие в набегах на мирных жителей. Возможно, вы не знаете, но там были жертвы среди мирных жителей.

– Это что касается военнослужащих. Многие из них – женщины – ни в каких набегах не участвовали, и поэтому мера их ответственности – минимальна. Вольнонаемные и штатские жители, а это в подавляющем большинстве женщины, никакой ответственности за содеянное не несут. Именно эта часть бывшего гарнизона будет эвакуирована в центральные районы России. С детишками, с пожилыми родственниками

– А вдовы? – спросила председательствующая, и ответом на ее вопрос были громкие рыдания среди женщин. – Ведь войны не было, а нас всех ...

– Я вам расскажу, как это было. Во время первого нападения майор Житков собственноручно ударил заведующую сельпо и сломал ей челюсть. А потом убил сторожа – даже стрелять не стал, а убил старика ножом. А этот старик – ветеран войны ...

В помещении стало тихо и стало слышно, что в соседнем помещении капала вода.

– Телефонные линии были разрушены, поэтому известие о нападении в селах, где еще этого не было, узнали после нападения. А всего за тот первый рейд бандгруппы пострадали семь человек, трое из которых были убиты.

– Последний раз, вчера, бандгруппе майора Житкова предложили либо сдаться, либо вернуться в часть. На это предложение они ответили огнем из всего наличного оружия, недооценив силы противника. Поэтому никто из бандгруппы в живых не остался.

– Но как же можно было их убивать, когда все нас бросили и нам есть нечего!?

– Мне не хочется философствовать. Один из главных виновников сложившегося положения находится у вас, и вы вольны поступить с ним так, как считаете нужным. Кстати, кто-нибудь пытался установить контакт с военным округом? То-то.

– А если мы его ... четвертуем?

– Я постараюсь, чтобы за такой поступок никто не был бы наказан. Мы уже спасали один гарнизон, похожий на ваш. Основные виновные находятся сейчас в камерах предварительного заключения, их будут судить. Но там до бандитизма дело не дошло.

– Но все-таки что будет со вдовами? Они не виноваты ...

– Вы правильно сказали – они не виноваты. Почти все из них не виноваты, и поэтому никакой ответственности на них не ляжет. В том числе даже на двух гражданских жен майора Житкова ...

Женщины затихли и перестали дышать.

– Не удивляйтесь, я многое знаю. От вас, дорогие женщины, сейчас зависит многое.

– Нам детей кормить нечем!

– Около КПП стоит фура. Водителя нет. Ключ в замке зажигания. В фуре продукты. Детей надо покормить.

Несколько женщин метнулись к выходу.

– Ну, а у вас важная задача – уговорить мужчин сдать. Решите – дайте знать. У находящегося у вас под замком майора Сенецкого есть рация, ее слушают постоянно. Вопросы?

– Если мы уговорим мужиков сдать, то как скоро нас увезут отсюда?

– В течение недели. Самолет у вас тут не сядет, придется вывозить на автомашинах.

– А возможен вариант, что нам не удастся уговорить мужиков, и нас вывезут отсюда отдельно?

– Возможен, но это вариант весьма затруднительный. Как вы представляете себе эвакуацию женщин и детей, когда некоторые из этих выродков считают вас заложниками ситуации? Да и потом, что делать с оставшимися?

Среди женщин были двое с младенцами на руках. Свиридов приблизился к ним, осмотрел, насколько мог, детей. И вернулся на старое место – иначе голос выдал бы его местонахождение.

– Грудные дети здоровы? Я могу организовать их эвакуацию немедленно.

– Пока здоровы ... У Лизы и Маши молоко пока есть, они кормят их.

– Мы ... потом, со всеми вместе. Мы мужей не бросим.

– Действуйте, дорогие женщины. Фура уже около нас, за баней. Идите, и распределите продукты. А со мной может связаться Мария Федоровна, – Свиридов обратился к председателнице, – Подумайте и мысленно позовите «Голос, где ты?»

– И этого будет достаточно?!

– Да, Мария Федоровна. До свидания.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

На другой день Свиридов шел по заснеженным и тщательно расчищенным улицам города. Его обогнала девушка и оглянулась.

– Ядвига? Неужели это ты?

– Я, Анатолий Иванович. Здравствуйте!

– Здравствуй, Ядвишка! Какая ты стала большая!

– Так вас долго не было!

– Как поживаешь, как твоя мама? Замуж не вышла?

Свиридов и его сопровождающие немного проводили девушку.

Напоследок Ядвига смущенно пригласила Свиридова в гости.

– Ждем тебя, Анатолий Иванович, – встретил его Белоглазов. – Решили устроить военный совет. Тем более, что из Минобороны пришел ответ на наш доклад.

– Ну, и что же решили великие мужи?

– Они решили, что мы сами разберемся. Все оставили на наше усмотрение. Я решил собрать военный совет, ждем только тебя.

– Что ж, Дементий Кузьмич. Давай поговорим на совете.

На совете высказывались нерешительно, хотя в предложении решительных мер тоже недостатка не было. Но на все предложения военных действий большинство возражало – там, в городке, было много мирных жителей.

В разгар выступлений к Белоглазову тихо подошел дежурный и подал генералу папку.

Генерал Белоглазов открыл папку и стал читать, и все смолкли.

– Майор Сенецкий вышел на связь и докладывает, что в гарнизоне сильное брожение. Для того, чтобы сдвинуть всех к решению о сдаче оружия нужен толчок. Какой – майор не сообщает.

– И второе. Шифрограмма из Москвы. Ответственным за принятие решения о судьбе гарнизона назначен генерал-майор Свиридов Анатолий Иванович. Всем ясно?

Среди присутствующих прошел вздох явного облегчения.

– Настроение присутствующих понятно. Ответственность за принятие решения переложено на дядю из Москвы. Нет, я не обижаюсь на вас за такую реакцию – кому же охота воевать со своими?

– Возможно, ты и прав, Анатолий Иванович. Но обсуждение ты слышал, что думаешь предпринять?

– Первое. Есть ли в гарнизоне помещение для временного содержания под охраной разоруженных ракетчиков?

– Есть. Есть старые казармы, их не трудно обнести проволокой и охранять.

– Проволоки не нужно. Нужна охрана, и та довольно условная. Вышки там есть?

– Есть, но уж очень старые.

– Дементий Кузьмич, дай команду все проверить и подготовить к приему людей. И кормить их.

– Будет сделано, товарищ генерал.

– Второе. Машины с продовольствием туда, к ракетчикам – вывезти всех оставшихся в раз не удастся, гражданским придется пожить день – другой на старом месте. Медперсонал туда. Подготовить и не отправлять до моей команды.

– Есть!

– И где селить тех, кого не будем охранять – в основном женщин и детей? Вот за эти пару дней помещения нужно подготовить и постепенно перевозить людей. Питание, медицина.

– И надолго это? Охрана и эвакуированные без дела?

– Думаю, примерно на неделю. Потом самолетами в центральную часть страны.

– Все будет сделано, товарищ генерал. Еще?

– Две БМП с боезапасом. Экипаж – мои офицеры.

– Ты нашим не доверяешь?

– У моих случайных выстрелов не бывает, уж не обижайтесь. Готовьте, я поеду сам ...

КОМАНДОВАТЬ БУДУ Я

Две боевые машины в зимней раскраске попыхивая дымком выхлопа двинулись через поле к гарнизону ракетчиков. Оставив одну из машин в отдалении Свиридов повел свою машину прямо к казармам. И остановил метрах в пятидесяти – прямо были казармы, а правее, чуть подальше, жилые дома.

И от жилых домов уже спешили женщины. А из казармы вышли вооруженные военные во главе с полковником Степаненко.

Свиридов открыл люк и вылез на броню. На его камуфляжной форме были хорошо видны генеральские погоны.

– Не слышу доклада!

– Товарищ генерал-майор! Расформированная база ... гарнизон воинская часть ... полковник Степаненко ...

– Отставить! Становись! Равняйся! Смирно! Равнение на середину!

– Полковник Степаненко ... Военнослужащие бывшего гарнизона построены.

– Генерал Свиридов. Вольно!

Присутствующие узнали голос, который невидимкой разговаривал с ними – а теперь живой генерал с автоматом на плече стоял на броне боевой машины.

– Вам для выбора было предложено два варианта развития событий. Предпочтительнее вариант со сдачей оружия и эвакуацией мирного населения. Я слушаю ваше решение.

– А если мы выберем первый вариант? – раздался голос из рядов офицеров.

– Мне будет очень жаль.

– И все?

– Митинг окончен. Ваше решение?

В рядах офицеров произошло какое-то движение, какая-то свалка, кого-то скручивали.

– Мария Федоровна, что решили женщины? – прерывая паузу спросил Свиридов.

– Мы за второй вариант, – из толпы женщин ответила Мария Федоровна. – И многих мужиков уговорили. И чего Степаненко тянет резину?

– Полковник Степаненко! Пока вы еще полковник, прошу озвучить решение гарнизона.

– Мы решили, товарищ генерал, сдать оружие ...

Было видно, что полковнику каждое слово дается с трудом, а в рядах офицеров снова произошло короткое движение.

– Считаю ваше решение правильным. Да не высовывайся ты! – это уже Чумачеву, который с видеокамерой уж очень высунулся из люка.

– Прикажите своим людям сдать оружие. Сдать полностью. У кого после сдачи обнаружат пистолет или другое оружие – тот будет расстрелян на месте. Всем понятно? Оружие на снег!

Строй сразу сломался. На снегу стала образовываться куча автоматов, пистолетов, поясов, разгрузочных жилетов и запасных рожков.

– Всех прошу пройти в казарму. Скоро вам подвезут горячее питание, а затем отвезут в город. Кругом!

Кучка офицеров, сразу потерявших выправку, потянулась в казарму.

А Свиридов повернулся к женщинам.

– Дорогие женщины! Я благодарю вас за вашу стойкость и благоразумие! Машины с удовольствием уже вышли. Вам придется потерпеть еще пару дней, пока вам подготовят помещения. Затем на автомашинах в город, самолетом – на большую землю.

– Куда нас?

– Нам бы врача ...

– Я что будет с нашими мужьями?

– Врач приедет с машинами. Я знаю, что одна из вас пыталась сегодня повеситься, но вы успели вынуть ее из петли. Ей окажут помощь. А с теми военнослужащими, которые причастны к бандитским нападениям на мирных жителей, будем разбираться. И будем их судить. Расходитесь по домам.

И обе БМП выплюнули по струе дыма, развернулись и поехали обратно.

А куча оружия так и осталась на снегу.

Только через час пришли крытые тентами УРАЛ'ы, к которым были прицеплены полевые кухни. Кухни подкатали к казарме и к жилому дому, а в один из УРАЛ'ов стали грузить брошенное оружие.

А затем в машины погрузили военных и увезли, а навстречу колонне ехали грузовые машины и машина скорой помощи ...

КАЖДОМУ СВОЕ

А на военный аэродром уже садились транспортные самолеты и в штабе у Белоглазова стало тесно. Чинов из военной прокуратуры теснили интенданты из Центрального округа, и всем требовался генерал-майор Свиридов.

Некоторые из прибывших были лично знакомы с генералом, а другие понаслышке – сведения о судьбе некоторых из руководящих сотрудников Министерства распространились быстро. Из кадров привезли кучу папок с личными делами офицеров базы, и теперь с ними работали работники прокуратуры.

Но Свиридов большее внимание уделял интендантам и занимался вопросами расселения персонала базы. Первым делом он поручил составить списки трудоспособного населения

и женщин, имеющих детей. А потом поехал осматривать помещения, предназначенные для эвакуированных жителей бывшей базы.

Командуя вновь прибывшими и местными офицерами Свиридов старался как можно меньше ущемлять авторитет генерала Белоглазова.

А вечером, нахваливая стряпню Евгении Павловны, он рассказывал ей о событиях дня. Чаще всего рядом за столом сидел Дементий Кузьмич, и удивлялся тому, насколько действительный ход событий отличался от видимых распоряжений, и какие пружины были скрыты от внешних наблюдателей.

– Слушай, Анатолий Иванович, а ты часом, не в академии иностранных дел обучался? А вот если интриги строить, то как у тебя получится?

– Дема, не приставай к человеку! – обычно останавливала его жена.

А Свиридов частенько развертывал перед Белоглазовым истинную подоплеку событий или многоходовку принимаемых им решений.

– Сейчас две самых главных задачи, – говорил он. – Первая – устроить жизнь женщин и детей. И вторая – каждому отвесить ровно столько, сколько он заслужил. Не больше, но и не меньше ...

С ЕВГЕНИЕЙ ПАВЛОВНОЙ

– Ешь, Толя, ешь. Замучили тебя? Что там происходит? А то Дема ничего не рассказывает.

– Это вы лукавите, Евгения Павловна! Дементий Кузьмич вам много рассказывает!

– Так ты тоже расскажи – мне же интересно. Ты же там – самый главный.

– Всех из городка около взорванных шахт вывезли. Военнослужащие сейчас под следствием – разбираются, кто занимался бандитизмом. Думаю, все спишут на группу майора Житкова, которая уничтожена полностью. А все остальные, кроме полковника Степаненко, окажутся белыми и пушистыми. Его в лучшем случае разжалуют. Вольнонаемный персонал, женщины и дети уже частично вывезены в центральную часть России, там им предоставят жилье, работу.

– Толя, а сколько таких шахт и таких городков остались без всякого присмотра! С ними-то что делать?

– То же самое, Женечка. То же самое. Виноватых в Министерстве – под суд, да с конфискацией. Уж этого я добьюсь, чтобы жулики как следует ответили. Да пример Белореченкова свою роль сыграет – мало кто еще захочет такой смерти.

– Говорят, он повесился. Это правда?

– Это правда для следствия. Нечего на женщин еще и это вешать. А желающие повторить его «подвиг» вряд ли найдутся – я имею право вызывать любого чиновника из Министерства на точку.

– Люди страдают ...

– Да, Женечка, и это самое страшное. Ты бы видела, как «оттаивают» те, которых я вывез к себе. Как они рвутся работать! Как работают! Бригада офицеров монтирует в колхозе корпуса под новые птичники, под новые коровники, под машинный двор – так их от работы не оторвешь! Председатель готов каждого целовать и наливать!

– Но ты не сможешь всех к себе забрать ...

– Да, Женечка, не смогу. Да и не нужно этого. Думаешь, мало толковых офицеров, которым нужно только возможность дать? Что ты! А как они развертываются! Вот этих я буду поддерживать.

– Правда говорят ... Не сердись, мне Дема сказал ... Что у тебя от самого президента бумага есть? И право расстреливать на месте, как в войну?

– Правда, Женечка, правда. Только – молчок.

– Бедный ты, бедный! За что тебе такое?

– Женечка, все так вкусно! Какая ты мастерица! Моей жене хоть бы капельку твоего кулинарного таланта ...

– Что, Антонина Ивановна готовить не умеет? Да неужто? Ты все равно люби ее, она у тебя такая ... такая ... Ну, сам понимаешь, какая!

Свиридов улетел только тогда, когда все эвакуированные с детьми и пожилыми членами семей были устроены на постоянное место, а часть улетела в центральную часть страны.

Арестованные интересовали его в гораздо меньшей степени ...

ПОСЛЕ СОВЕТА

Свиридов появился дома поздно, но его ждали и не садились за стол.

– Толя, милый, – обняла его Тоня, – мы заждались тебя! Давай за стол, а то мы все голодные!

– Ну, разве можно так! А если бы я еще позже приехал?

– Ничего, папа Толя, это полезно для фигуры!

– Ах, ты моя Улечка! Все, все, иду ...

Когда основной голод был утолен, Тоня не выдержала.

– Расскажи, что же там было! Ты же на заседании Совета безопасности был?

Уля взглянула на Гришу и начала вставать, но Свиридов остановил ее.

– Улечка, посиди с нами. Ты у нас девочка умненькая, знаешь, о чем можно рассказывать, а о чем – не стоит ...

– Было специальное заседание Совета безопасности, посвященное судьбе заброшенных гарнизонов, в основном, ракетчиков. То есть тому, чем я последнее время много занимался.

– Рассказать можешь?

– Не все, конечно. Я сделал доклад о тех гарнизонах, где побывал лично, о тех гарнизонах, которые мы вывели, о тех безответственных ответственных генералах, которым придется отвечать за свое бездействие ... Там, на заседании, были приглашенные из военной прокуратуры, так они проявляли большой интерес к моему докладу. И президент проявил большой интерес к тому, как мы решали трудоустройство эвакуированных. Я рассказал о заводах по несъемной опалубке, о пивзаводах, о монтажных бригадах. Вопросов было много, но по счастью мне удалось ответить всем.

– Представляю, какие тебе задавали вопросы! И какие были ответы – с фамилиями, с датами, с цифрами!

– Вот, вот! Тут прокуратура весьма оживилась. А когда я стал перечислять украденные суммы, да конкретные номера счетов – что тут было!

– А реальное что-нибудь будет по твоему докладу? – спросил Гриша.

– Пока поручение правительству и министерству обороны, а там посмотрим. Но теперь шансы на отмазывание виноватых стремительно уменьшаются ...

КНИГИ ИЗ ВЕНЫ

За присланными книгами Грише пришлось заезжать в австрийское посольство.

Там ему вручили увесистый пакет, на который с большим подозрением посмотрел дежурящий у посольства милиционер. И даже записал номер машины, на которой приезжал Гриша.

Но когда «пробили» этот номер по базе данных, то оказалось, что номер этот у того, у кого надо, и запись об этом случае у ворот посольства убрали.

В пакете были книги и послание на английском языке.

– Ну, что там тебе пишут? – пристала Уля.

– Сейчас увидишь! – ответил Гриша, укладывая листок на стекло сканера и включая перевод.

«Досточтимый сэр Гриша Свиридов!» выдал переводчик и Уля зашлась от смеха. Но в листке содержалась и полезная информация.

Григорию Анатолию Свиридову предлагали любую из присланных книг оформить рисунками на тех же условиях, что и прошлый раз. И просили сообщить о своем решении.

Книги были на английском языке и не особенно интересны, но среди них были два боевика, которые вызвали интерес у Тони.

– Гриша, это дамские книги. Читай их с учетом женской аудитории!

Гриша попробовал, но получалось это плохо, и он попробовал читать одну из этих книг Уле – сразу в русском переводе. И Уле это так понравилось, что она просила Гришу читать каждый вечер, а Гриша сообразил и включил диктофон. Книги хватило почти на неделю, а реакция жены помогла Грише представить визуальный ряд – с учетом британской архитектуры и бытового национального колорита.

Поэтому наброски рисунков к этой книге появились сперва к англоязычному варианту текста ...

ГРИШИН ПЕРЕВОД

Под названием «дамский детектив» эта книга была отложена как одна из возможных для последующих переговоров с венским издательством.

А по поводу перевода возникли дебаты. Запись перевода послушали многие – и Скворцовы, и Ника с Владиком, и Баранов с Карцевой, и Долгополова с Потаповичем ...

Мнения разделились – одни считали перевод Гриши излишне вольным, а местами вообще не соответствующим оригиналу.

Но постепенно большинство склонилось к тому, что русский перевод, выполненный Гришей, стоило бы даже еще больше «отодвинуть» от оригинала, по крайней мере в бытовых мелочах.

Гриша с интересом слушал всех критиков, а потом надиктовал новый текст перевода, еще более близкого к современному бытовому языку. И это приняли практически все, и текст получился таков, что к нему практически не нужно было придумывать рисунки – они получались сами.

Пользуясь выделенной телефонной линией через завод Дементьева Гриша заказал междугородний звонок в венское издательство.

Там у него уже был персональный менеджер, Мартин Клейнберг, и с ним Гриша уточнял все вопросы.

В издательстве несколько удивились, что Гриша предлагает перевод детектива, несколько отличающийся от англоязычного оригинала. Но Гриша послал в редакцию по Интернету текст перевода и начальные страницы макета с цветной обложкой.

И через несколько дней по факсу пришел проект договора на перевод, предложенный Гришей. Теперь ему оставалось только подчистить перевод и оформить рисунки к тексту.

И не откладывать рисунки к оригиналу книги.

Для русского текста Грише позировала Даша Огородникова и Люба Докукина, а для английского – Лена Долгополова и Виолетта Ерцкая.

В рисунках Гриши этих женщин при желании даже можно было узнать.

А вот для цветной обложки русского издания Грише позировала Уля, но узнать ее было почти невозможно – Гриша снабдил женщину на обложке длинными волосами, скрывающими скуластое лицо.

Общение с Клейнбергом по Интернету происходило довольно активно, а финансовые интересы Гриши Свиридова в венском издательстве представлял юрист мецената Густава Дрейзера ...

НОВАЯ КВАРТИРА НА КУХНЕ У ВИКТОРА

Этот разговор происходил уже не первый раз.

– Ну, и когда ты созрешь?

– Отстань. Нам вполне хватает места в старой квартире.

– Идиот! Кретин!

– Сам такой два раза ...

Свиридов и Скворцов сидели у Скворцова на кухне.

Красивая бутылка с иностранной надписью «Nemigow» была наполовину пуста, а стол был уставлен тарелками с рыбой, мясом, капустой, солеными огурцами и зеленью.

– Как тебе объяснить, что руководитель такого ранга не может жить в такой квартире! Не имеет права! Это просто неприлично!

– Мы живем не хуже и не лучше других ...

– Хуже! Вы, Свиридовы, а вас теперь пятеро, живете хуже гада Скворцова, который со своими двумя женами и детьми ...

– Брось, Витька. Живите счастливо и размножайтесь. Елка скоро родит, там, глядишь Машка тоже надумает. Твоя Тота ... да и Ленка еще ого-го!

– Ты о Грише подумай. Художник от бога, работает много, а мастерской у него нет.

– У нас с ним есть кабинет ...

– Ты на самом деле дурак или притворяешься? Ему мастерская нужна. Настоящая! Или хотя бы отдельная просторная комната ...

– А мне иногда бывает неловко с ним в одном кабинете ... Я чувствую, как он ... он творит, а я тут ... со своими бумагами ... – задумчиво сказал Свиридов.

– Давай, оборудуй себе новую квартиру.

– Мне неудобно заговаривать об этом ... На последнем распределении я отказался от улучшения условий ...

– Хорошо, я скажу ... Пусть думают обо мне, что я лижу задницу начальнику ...

– Вот дурак! Нашел, чего лизать ... И кому ...

– Не хулигань! А то стану лизать милой Тонечке ...

Было слышно, что открылась входная дверь.

В кухню вошла Виолетта, встала у стола, положила руки на плечи обоим мужчинам.

– Ну, как у вас дела? Не все еще выпили?

Виктор прижался щекой к руке Виолетты, потом поцеловал ее руку.

– Милая Тота, я бы последовал примеру Витьки, но боюсь его неадекватной реакции ...

– Ну и зря. Мне было бы приятно – правда. Ты для меня близкий человек ...

– Спасибо, – Свиридов поднялся и поцеловал Виолетту в щеку.

– Ты, гад начальник, оставь в покое мою женщину!

– Видишь, какой он у тебя собственник!

– Имеет право, – ответила Виолетта. – Ладно, я вам помешала?

– Нет, милая Тота, ты нам не помешала. Мы просто ругались ...

– Садись с нами и рассуди ...

– Только пить водку я с вами не буду!

– А у меня есть и вкусное вино!

– Все равно не буду.

– Витька, не настаивай. А ругались мы на тему квартиры ... Витька считает, что нам нужно более просторную и комфортабельную квартиру ...

– Думаю, он прав. Толя, Витя прав – вашей семье нужно более просторную квартиру. И еще Грише нужно совершенно отдельную от всех вас мастерскую для творчества.

– И ты туда же ... Хотя в основном ваши соображения имеют смысл ...

– Так давай, действуй! А инициативу я проявлю ... И то, что у тебя в новом здании есть приличный резерв квартир – я знаю ...

Решение штаба было утверждено профкомом и Антиповой и работа закипела.

За основу была взята квартира площадью около 200 квадратных метров.

Такая квартира была у Скворцовых до расширения. Но против объединения двух подобных квартир Свиридов возражал, и поэтому было принято иное, промежуточное планировочное решение.

После реконструкции двух квартир большая квартира должна была выглядеть следующим образом (рис. 1), а реконструированные квартиры охраны – напротив, через площадку.

Кроме шести комнат, которые были в типовой квартире, к ней присоединили две комнаты – один строительный пролет – из квартиры в соседнем подъезде.

Получилась восьмикомнатная квартира общей площадью около 280 квадратных метров – а у Скворцовых их гигантская квартира, где размещались по существу три семьи, по площади была на 150 квадратных метров больше.

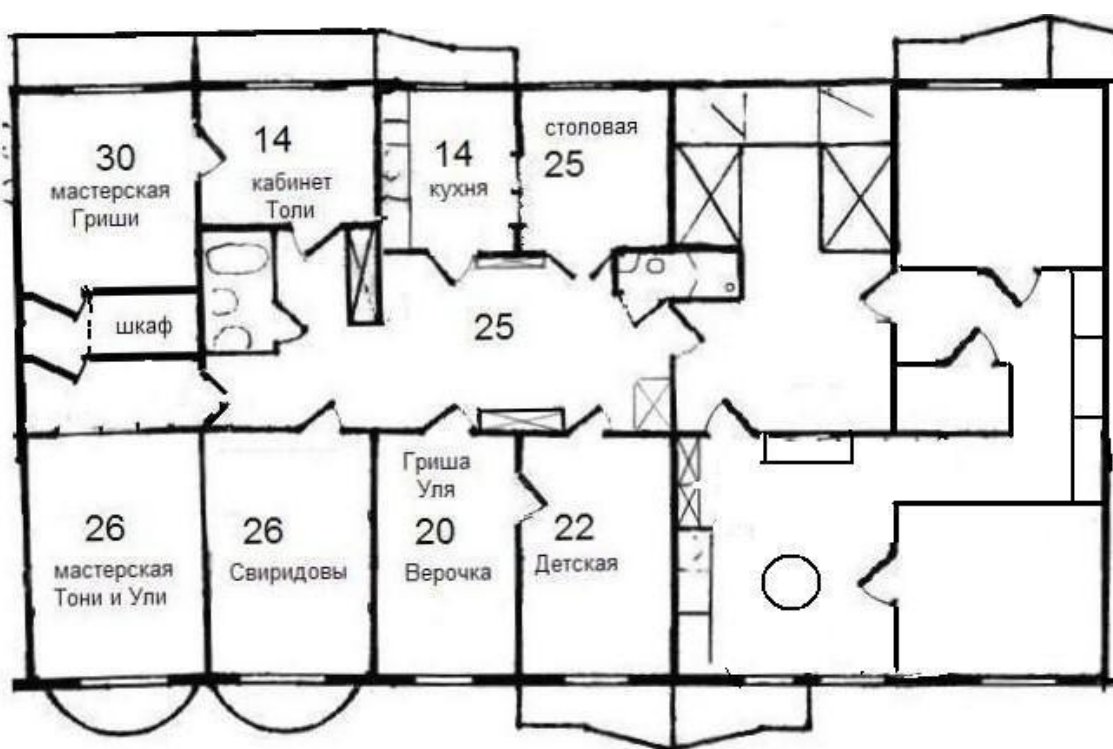

Рис. 1. Новая квартира Свиридовых в «трилистнике».

Переоборудование заняло, как было принято в этом городе, не так много времени – больше времени ушло на меблировку квартиры, а эти заботы полностью взяли на себя Тоня и Уля. Мужчины привлекались только в качестве консультантов.

Возражения у Свиридова вызвало решение штаба разместить рядом, в переоборудованной двухкомнатной квартире, персональную охрану командующего.

Но охрану там разместили.

И в этой переделанной двухкомнатной квартире постоянно находились дежурные офицеры охраны – там была достаточно комфортабельная обстановка для отдыха, да и суточные смены для офицеров были привычны.

А женщины с удовольствием взялись за дизайнерские решения.

Кухню обставили довольно быстро, согласовав общее решение с гостиной-столовой.

Недолго занимались спальней старших, а решение спальни молодых было целиком выполнено Ульяной.

И Гриша одобрил выбор жены, и даже сказал, что он бы лучше не придумал.

Детскую обставляли все вместе – вместе с Верочкой, которая активно выражала свои пристрастия.

Кабинет Свиридова дался легко – у него не было особых претензий, главное, чтобы все было функционально и под рукой. Но старинный письменный стол все-таки Тоня там поставила!

Обустройство мастерской Гриши вызывало много раздумий и даже споров – спорили Тоня и Уля. И спорили, надо признать, на равных. В результате из старинной стильной мебели в мастерской у Гриши появился только вместительный шкаф для книг и папок с иллюстрациями.

А еще в мастерской у Гриши было целых три стола. Один большой стол на четырех старинных солидных ножках стоял справа от окна, и там он раскладывал рисунки, менял их местами по тексту или любовался иллюстрациями классиков. Напротив, у другой стены стоял стол рабочий, с поднимающейся столешницей – как у чертежников. Свет из окна падал слева, как полагается, а из открытой на лоджию двери сюда не дуло.

Третий стол стоял около шкафа, и на нем Гриша раскладывал папки с текстами переводов и книги для перевода.

Здесь он не рисовал, а думал, читал, переводил с записью на диктофон.

В тумбе Гришиного стола Владик спрятал процессор компьютера, а плоский монитор обычно был прислонен к стене и не мешал Грише работать. Еще в тумбе стола прятался мощный комбайн – сканер-копир-принтер, которым Гриша тоже редко пользовался.

Но для оцифровки иллюстраций этот агрегат был очень удобен.

А еще в мастерской был уютный диванчик, на котором было удобно отдохнуть и даже поспать – Уля проверила.

Но в мастерскую она заходила практически только для уборки, или если ее туда приглашал Гриша.

Конечно, это было уже потом, и тогда иногда Уля позировала Грише, разместившись на большом столе, а пока что Гриша утром садился на велосипед и неспешно по лесной дорожке ехал в город у машзавода.

Проезжая по окраине города он подъезжал к строящемуся зданию хосписа.

Дину Утечкину найти было легко – там раздавались короткие и четкие распоряжения, и оттуда люди уходили быстрым шагом.

– Привет, Гриша. Как дела? Поговорим или ты хочешь уединиться?

Гриша располагался в дальнем конце здания, в совершенно пустом помещении с белыми стенами, раскладывал листы бумаги и открывал книгу – англоязычный оригинал.

В другой раз Гриша и Дина уединялись и Дина рассказывала ему о своих впечатлениях о Лондоне и Глазго – двух английских городах, где ей довелось пожить. Она рассказывала о своих ощущениях, об атмосфере, о старинных зданиях, о ресторанах и пабах и вообще о тех подробностях и «мелочах», которые так важны для разведчика.

И для художника.

– Ты сумел нарисовать молодую Диану на роликах, значит, сумеешь нарисовать и эти города, – говорила она, отходя к окну. – Вот смотри ... нет, не смотри, а слушай! – здесь зелень совсем не такая, как там в любом сквере ... Здесь она живая, естественная, дикая, а там настолько ухоженная и стриженная, что кажется искусственной ...

И еще множество живых наблюдений об автобусах, о метро, о гостиницах и дешевых меблированных комнатах с почасовой оплатой, о портовых кварталах и пристанях, о различного рода бюро и конторах ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.